Вересковый мед

Автор:
Ляна Зелинская

Вересковый мед

Ляна Зелинская

Князь Викфорд Адемар – первый меч королевства, рыцарь без страха и упрёка. Князь Викфорд – позор рода Адемаров, сын, родившийся безо всякого дара. Но дар ему заменяют отвага, меч и крепкая рука. Король отправляет его на мятежный север с важным поручением – доставить ко двору наследницу Янтарного трона для заключения политического брака. Это опасное путешествие, ведь у будущего союза очень много противников. Но опасность для князя Викфорда лучший вызов и приглашение.

Он дал слово, что с головы будущей невесты не упадёт ни единого волоса. Он поставил свой меч на то, что привезёт её к следующей луне. Ведь князь Викфорд не проиграл врагу ни одной битвы.

Но самым коварным врагом оказалось собственное сердце.

Ляна Зелинская

Вересковый мёд

«Из вереска напиток забыт давным-давно

А был он слаще мёда, пьянее, чем вино…»

Р. Стивенсон (в переводе С. Я. Маршака)

Пролог

– Стоять! Тихо!

Князь Викфорд Адемар вскинул вверх левую руку, натянул повод и медленным плавным движением обхватил рукоять меча. Его отряд замер в мгновение ока. Все знали, что у их командора тревога никогда не бывает пустяковой.

Могучие деревья смыкали над ними свои кроны, капли влаги дрожали на узорных листьях папоротников, и мир вокруг светился всеми оттенками изумруда. Леса Балейры подавляли своим величием. Насвистывали птицы, и мирно журчал ручей, весело перескакивая по замшелым валунам.

Но что-то было в этом лесу…

Викфорд ощущал холод, ползущий по коже ледяным ужом. Холод ненависти…

И обратный отсчёт, словно шёпот в голове: семь… шесть… пять… четыре…

Ему повезло меньше, чем братьям. Боги обошли его своей милостью, не наградив ни каплей Дара, но кое-что при рождении он всё-таки получил от луноликой Моор-Баар – Богини грёз, видений и снов: звериное чутьё на опасность.

Может, поэтому удача в военных делах всегда шла с ним рука об руку. И сейчас именно это чутьё то сжималось где-то под рёбрами, то натягивалось тетивой странного напряжения. Викфорд замер, словно матёрый хищник, и жадно потянул носом влажный прохладный воздух.

…три… два…

– На землю, живо! – рявкнул он и соскочил с коня.

Вовремя.

…один!

Стрела пролетела почти беззвучно, лишь тихий шелест, словно шёпот смерти, раздался у самого уха. Ещё бы чуть-чуть… Но она, догнала его уже в падении и ужалить всё-таки успела, зацепив самым краем. Викфорд почувствовал острую боль в плече и приземлился на мягкую подушку мха, хватаясь за руку. И почему-то подумалось: стрела, пожалуй, слишком уж острая. Она как бритва прорезала и толстую варёную кожу рукава куртки, и рубашку, и безжалостно вырвала кусок его собственной кожи вместе с мясом. Рукав под пальцами сразу же стал тёплым от крови.

– Проклятье! – глухо прорычал князь, отползая к дереву.

Кто-то вскрикнул, заржали и заметались лошади. Стрелы посыпались одна за другой, но в его отряде все были опытными бойцами. Рассыпались, прячась за камнями, утопая в папоротнике, и затаились, выжидая, вглядываясь напряжённо в густую зелень леса, пронизанную золотом солнечных лучей.

Ничего не скажешь, место для засады – лучше не придумать! По обе стороны возвышенность уходила в глухую чащу, а они в неглубокой ложбинке, на дне ручья, на виду у всех.

Пес его задери! Послушал Бирна, решил срезать дорогу! Срезал! Чума на его голову!

До Адерина оставался всего-то пяток квардов, обидно будет сгинуть в этом овраге, да ещё так бесславно! Его – первого кондотьера Тавирры по прозвищу Стальное сердце – да его даже не найдут в этом треклятом балеритском лесу! Ну, уж нет! Его смерть точно не будет такой позорной!

Погибнуть вот так – в безвестности – совсем не входило в планы князя Адемара.

Викфорд выдернул из ствола стрелу, предназначавшуюся ему, и юрко, словно ящерица, прополз, цепляя мох здоровой рукой, к самому подножью камней, из-за которых, как он успел заметить, и вёлся обстрел. А ещё он успел заметить, что, судя по направлению выстрелов и их количеству, наверху между валунами прятался одинокий стрелок, пусть и очень быстрый. Викфорд посмотрел на стрелу внимательно и едва не присвистнул.

Тончайший наконечник из сапфировой стали, отливающий тёмной синевой. Острые как бритва края, и руны, нанесенные посредине…

Колдовские балеритские руны.

Неудивительно, что стрела ему едва полруки не оторвала. И древко, и оперение говорили о том, что эта стрела – дорогая игрушка, и тот, кто стрелял, хотел убить наверняка: ведь кого ранит проклятая балеритская сталь, того уже не спасти. Дар в нём умрёт. Да только не знал стрелок, что нет в Викфорде драгоценной искры рода, хоть и носит он на плече герб Дома Адемаров – голову белого волка. И мысли тут же вернулись к Бирну – вот уж кого выпотрошить придётся, как только выберутся из заварушки. Его эта была идея – ехать тут. Он разведывал дорогу. Да ещё уговаривал: до ночи успеем, тут рядом! А от кого ещё враги могли узнать об их маршруте? Только от Бирна. Выходит, знали наверняка, где они будут проезжать, а иначе стал бы стрелок запасаться такими стрелами? И метить прямо в него?

Вот только вопрос – почему стрелок один? Или это ловушка?

– Вик? – тихо позвал его Корин Блайт – старший отряда.

Махнул, показывая, как обойти камни слева и справа. Викфорд кивнул в ответ, шёпотом приказал охранять барристера – всё-таки без живого королевского адвоката вся их поездка бесполезна, и, зажав в зубах кинжал, пополз рядом с остальными, стараясь не напрягать левую руку. Он лично срежет кожу с этого стрелка!

Но за камнями уже никого не было. Только и увидели, как мелькнула между кустами шапка с рыжим пером. И ей вслед сразу же устремился целый рой стрел, выпущенных псами Викфорда. Они бросились в погоню, топча папоротник и ломая подлесок. Но стрелок бегал на удивление быстро, а может, хорошо знал этот лес, что было вероятнее. Лишь в одном месте, там, где на самой вершине холма деревья расступились, Викфорд успел разглядеть силуэт беглеца: худой, невысокий, в зелёном плаще и шапке с рыжим пером – юноша. Он перепрыгивал с камня на камень совсем как серна, и за спиной у него болтался лук из чёрного дерева. Показавшись на вершине, беглец на мгновенье обернулся, и Викфорд увидел, как он в сердцах плюнул в их сторону, вскинул голову, натянул тетиву и, пустив ещё одну стрелу, молниеносно исчез в густых кустах. Дальше гнаться

смысла уже не было. В этих лесах найти балерита, что иголку в стогу сена.

– Живо проверить всё вокруг! И лошадей поймать! – рыкнул Викфорд и принялся осматривать следы.

Сомнений не осталось: такая маленькая нога вероятнее всего принадлежала подростку. Князь обернулся и, яростно схватив Бирна за горло, прижал его к стволу старого корявого дуба. – Отвечай, пёсий сын, твоих рук дело? Кому ты говорил, куда мы поедем?

– Никому! Никому, милорд! – хрипел Бирн натужно.

– А не твоя ли это была идея – срезать путь по этому ручью? А? Ты завёл нас в ловушку? Кожу срежу живьём! Отвечай!

Бирн трепыхался, клялся Всевидящим Отцом, что ни в чём не виноват. Его лицо покраснело от натуги, глаза почти вылезли из орбит, а вокруг стояли наёмники, молча и без сочувствия глядя на этот допрос. Один из них был ранен, и все желали знать, по чьему наущению была организована засада. И никто не сомневался: мигни Бирн хоть глазом – с него тут же снимут шкуру.

Королевский барристер Хилет Тейн стоял поодаль, бледный и испуганный, прижимая к груди свою сумку со свитками, чернильницей и печатью, и тревожно оглядывался. Оно и неудивительно – не привык он к такому. К тому, что от самой границы они уже пятый раз попадают в неприятности. Несмотря на летнее перемирие, балериты не слишком-то желают видеть захватчиков на своей земле, пусть они даже и едут за невестой для самого короля. А может, именно потому, что они едут за невестой для самого короля. И пусть даже союз этот и одобрил Янтарный совет, половина кланов всё равно считала, что отдавать дочь Янтаря и Вереска в проклятую Тавирру – это всё равно что сдаться, а для балерита это равносильно бесчестной смерти.

Поэтому, как только пересекли границу, Викфорд велел королевский штандарт убрать, а отряду переодеться, чтобы не привлекать внимание. Но кто-то зоркий всё же разглядел герб на его плече. Князь усмехнулся. Стрела попала точно в голову белого волка, вырвав ему зубы.

Дурной знак!

Злость понемногу отступала, и становилось понятно: если бы их хотели убить, уж точно послали бы не мальчишку с десятью стрелами против вооружённого отряда лучших тавиррских псов.

И он отпустил Бирна.

– Разберёмся в Адерине. Не думаю, что нам трудно будет найти хозяина этой стрелы. Найдём и вздёрнем его на городских воротах именем короля и в назидание остальным, – громко произнёс Викфорд и спрятал стрелу в седельную сумку.

Отряд ещё некоторое время ждал, пока князю перевяжут рану, и торопливо направился вниз по ручью – из леса следовало выбраться как можно скорее.

Часть 1. Замок Кинвайл

Глава 1. Свадебное платье

За месяц до происшествия в лесу…

– Матушка, матушка, ну можно мы хоть одним глазком взглянем на платье! – младшие дочери найрэ Нье'Келин окружили мать – высокую худую женщину, умоляюще вцепившись в юбки.

В другое время она отстегала бы их хворостиной и выставила за дверь, заставив за непослушание трижды прочитать «Молитву о смирении», но сегодня Бригитта Нье'Келин была в благодушном настроении, а такое с ней бывало крайне редко.

– Хорошо, одним глазком и молча. Услышу гвалт – отошлю пасти гусей! А теперь покажите руки – не хватало ещё, чтобы вы насажали жирных пятен на суасский

шёлк! – грозно произнесла почтенная мать семейства.

Осмотром рук она удовлетворилась и отпустила детей. Те сорвались с места, как стая пичуг, и помчались наверх по деревянной лестнице быстрее ветра, туда, где в спальне их двоюродной сестры Эрики на старом лоскутном одеяле было разложено невиданное великолепие – самое красивое платье из всех, какие им приходилось видеть в жизни. Свадебное платье.

Платье и правда оказалось изумительным. И хотя Эрика теперь была сиротой, а в доме Нье'Келин жила по доброте душевной своей тёти Бригитты, но тётя относилась к ней, как к родной дочери, и потому денег на платье не пожалела. Пусть война и обобрала этот край до последнего медяка, но при взгляде на серебристые переливы тончайшей ткани, подбитой понизу широким кружевом, всем казалось, что вместе с этим платьем в дом вернулась и частичка давно забытой радости.

Девочки уселись прямо на полу в рядок – ни дать ни взять стая воробьёв на бельевой верёвке. Прикасаться к платью им, и правда, было боязно, и Эрика, видя, как их снедает любопытство, даже рассмеялась.

– Да можете потрогать, оно вас не съест! Только не все сразу!

Они прикасались осторожно, трогали, гладили, а самая младшая – Марин, даже понюхала и прошептала с неподдельным восторгом:

– Даже пахнет оно расчудесно!

Эрика улыбнулась мимолётной улыбкой, посмотрела в окно и подумала, что мама была бы рада… И тут же погнала прочь эти мысли. Не надо думать о том, что могло бы быть. Быть может, и не о таком счастье для наследницы Янтарного трона мечтала бы её мать. Но уж как есть. Ивар Йорайт – сын купца, не такая уж и плохая партия для беглянки и сироты, за голову которой король Тавирры обещал мешок золота.

– Эх, жаль, что к следующей луне ты уже уедешь от нас, – вздохнула одна из сестёр.

– А кто же теперь будет приносить нам зайцев и уток? – спросила Марин, так и не выпуская из рук кружево.

Эрика снова вздохнула и сняла со стены лук. Чёрное дерево, тонкая вязь серебряных рун – подарок отца на её шестнадцатилетие. Такой лук стоит целое состояние. И этот лук – всё, что осталось от её прошлой жизни. Той, что была до войны.

Эрике было семнадцать, когда отец попал в засаду, был схвачен вражеским отрядом и отправлен в Кальвиль – столицу Тавирры. А что было дальше, Эрика предпочла забыть. Мучительные дни и ночи, когда они с матерью ждали хоть каких-нибудь вестей из столицы. А потом… Казнь отца… Осада… Костры …

Ей удалось бежать и в итоге оказаться здесь – у тёти в Кинвайле, на самом западе страны, там, где могучие балеритские леса постепенно перетекают в алые вересковые пустоши.

И вот теперь дочь самого Дивира Нье'Лири – наследница Янтарного трона – ютилась в замке сестры своей матери – полуразрушенном каменном строении, в котором жилым осталось только одно крыло. Тётю война сделала вдовой, а пятерых её детей нужно было чем-то кормить. Поля сожжены, часть скота пала от бесконечных перегонов по болотам, где несчастных овец и коз балериты пытались прятать от вездесущих тавиррских собак. Торговля янтарём уже давно сошла на нет, с тех самых пор, как большинство мужчин ушли сражаться. А вскоре западные земли Балейры и вовсе оказались под пятой захватчиков. Теперь повсюду разъезжали тавиррские эмиссары, зачитывая со свитков новые указы о повышении налогов в пользу королевской казны. И если раньше казалось, что хуже быть не может, то теперь стало понятно – может. И будет.

Замок в Кинвайле был полон женщин, детей, стариков и тех, кто вернулся с войны калеками. И беглецы всё прибывали. Те, кого война изгнала на запад подальше от мест сражений, селились поблизости, лепились вплотную к замку, будто надеялись, что их сможет защитить вдова найта Нье'Келин. Как будто этот полуобвалившийся замок и эта высокая худая женщина могли гарантировать им хоть какую-то безопасность.

Эрика мыла посуду, ухаживала за детьми, старалась быть полезной и отблагодарить тётю за крышу над головой, хоть и понимала: помощница по

хозяйству из неё так себе. Не приучена она была к тому, чтобы варить похлёбку и чистить рыбу. Зато ежедневная работа отвлекала, заставляя хоть ненадолго забыть пережитое. Но иногда прошлое накатывало удушающей волной ненависти к врагам и жалости к себе, и в такие моменты ей хотелось упасть лицом прямо в землю и разрыдаться.

И однажды, когда в очередной раз нахлынули воспоминания, она взяла свой лук и пошла в лес. Хотелось побыть одной, поплакать вволю, вспоминая совсем другую жизнь, те времена, когда были живы её родители, когда она была ещё ребёнком. Вспомнить замок, полный слуг, балы, радость, праздники, охоту, чтение книг… Её главными заботами в то время были выбор платья, уроки да прогулки. Но теперь не было ни замка, ни слуг, а взрослой она стала как-то сразу, за одну страшную ночь.

В тот раз из леса она вернулась, неся в руках увесистую тушку зайца и двух куропаток. Заяц был ни в чём не виноват, но в тот выстрел Эрика вложила всю силу своей ненависти к врагам. А тётя Бригитта, посмотрев с прищуром на зайца, а потом на лук и колчан со стрелами, забрала у неё кухонный фартук и сказала:

– Гляжу, что с луком ты лучше справляешься, чем с горшками и сковородками.

И с тех пор так и повелось: Эрика утром уходила в лес и вечером возвращалась с добычей. За два года в замке Кинвайл она стала лучшей охотницей во всей округе, если не во всей западной Балейре.

А потом к ней посватался сын купца из соседнего города – Ивар Йорайт. И тётя посоветовала ей принять его предложение. Он недурён собой, правда полноват и невысок ростом, и большую часть времени проводит за счётными книгами отца, но сердце у него доброе.

Но это не главная причина, почему Эрика ответила ему согласием. Главное то, что эти два года тётя прятала её под именем Нье'Келин, выдавая за свою дочь. И пока в замке были все свои, прятаться нужды особой не было – никто бы её врагам не выдал, но с каждым днём в Кинвайл стекалось всё больше и больше беженцев, и кто знает, как быстро её тайна перестанет быть тайной. Ведь она – последняя, оставшаяся в живых из их семьи, наследница Янтарного трона. Говорили, что король послал убийц, чтобы найти её, что за её голову назначена

награда, и потому Эрика ходила в мужской одежде всё чаще – в лесу так удобнее, да сразу и не разобрать кто перед тобой – юноша или девушка. И Бригитта это поощряла, ведь ей первой грозило лишиться головы, если в её доме найдут беглянку.

А Ивар даст ей новое имя и увезёт в другой город, где о ней вообще никто не знает. Так и было решено на семейном совете между Эрикой и тётей Бригиттой.

– Он заботливый, и любит тебя, а дом его богат, – наставляла её тётя, – что ещё нужно для счастливого брака? Наденешь одежду замужней женщины, родишь первенца, никто тебя не узнает и не найдёт. Только не слушай зов леса, не снимай браслет и не забывай пить отвар. И тавиррским псам старайся в лицо не смотреть, уж больно глаза у тебя приметные. Так-то не поймут, но если попадется кто с Даром, всякое может быть. А волосы прячь под платком.

Волосы у Эрики были каштановые, слегка в рыжину, густые, пышные, чуть намокнут – и сразу завиваются кольцами. Но волосы – полбеды, мало ли рыжеволосых в Балейре! А вот глаза… Глаза у Эрики зелёными были прямо с рождения. Может, даже слишком зелёными для человека. И раньше, до войны, это считалось хорошим знаком – благословением Богов. Внешностью она пошла в мать, а та была красавицей. А ещё фрэйей. Но в нынешние времена первое бы ей простили, а вот за второе тавиррские эмиссары теперь сразу отправляли на костёр. Уничтожали всех, в ком теплилась хоть искра янтаря.

Это раньше Эрика любила крутиться перед зеркалом, прикладывая к лицу мамины украшения: изумрудные серьги, диадемы и малахитовые броши, меряя бархатные накидки цвета балеритского мха и любуясь цветом своих глаз. «В глазах фрэйи отражается зелень всех лесов Балейры», – так пелось в песне. Теперь эту зелень следовало скрывать, если не хочешь отправиться на костёр. И Бригитта показала ей, как это делать.

– Твоей матери следовало раньше тебя этому научить. Но моя сестра всегда была такой… непрактичной, – пробормотала Бригитта со вздохом и отвела Эрику к старой Фло, что жила в кособокой избе у самого леса.

Фло тоже была фрэйей, только Дар свой умело прятала за показным безумием. Да и как ещё выжить одинокой старой женщине в мире, где война перевернула всё с ног на голову, превратив Дар в проклятье? Где взойти на костёр можно за

один только цвет глаз.

Это она научила Эрику делать особый отвар, и теперь ей приходилось пить его каждый месяц. От него темнела зелёная радужка глаз, становясь похожей на яшму. Изумрудный цвет размывался, заполняясь россыпью всех оттенков карего, и, если убрать волосы под платок, никто и не поймёт, что перед ним дочь Лесного народа.

А ещё Фло дала ей браслет: тёмное серебро, тонкая вязь рун, а по краю узор из зелёного янтаря. И сказала, что пока Эрика его носит, то не услышит зов леса.

Эрика вынырнула из воспоминаний, повесила лук на стену и ответила, потрепав Марин по светлым волосам:

– Зайцев и уток будет приносить Гилмор, я всему его научила.

Старший сын Бригитты в мирное время считался бы слишком юным, чтобы самостоятельно охотиться в лесу, но теперь настали совсем другие времена.

– А лук ты ему отдашь? – спросила Марин, глядя исподлобья. – У тебя он волшебный.

– Нет, лук не отдам. Да и не волшебный он, – вздохнула Эрика.

Был бы волшебный, она бы перебила из него всех тавиррских собак…

– Но зачем тебе в городе лук? Ты будешь жить в красивом доме и ходить в парче!

Ответить Эрика не успела. Со двора донёсся топот копыт и чей-то зычный голос крикнул: «Поберегись!» Она бросилась к окну посмотреть, что за гости пожаловали на ночь глядя.

Замок ожидал приезда Йорайтов на турнир, но не так рано. Родственники жениха должны были пожаловать только на следующей неделе.

По традиции перед свадьбой обязательно проводится турнир. На нём претенденты сражаются за руку невесты, и победитель может жениться на ней, невзирая на то, как договорились родственники, и иногда даже вопреки желанию самой невесты. Когда-то очень давно именно так и заключались союзы в этих краях. Но с веками древний обряд превратился просто в традицию: на турнирное поле выходили только для того, чтобы развлечься – победить настоящего жениха никто даже не пытался.

Отряд из пяти вооруженных мужчин прогарцевал по двору и остановился у коновязи. Впереди на вороном жеребце восседал крупный мужчина, и его лицо показалось Эрике знакомым. Приглядевшись внимательнее, она внезапно отпрянула от окна в полумрак комнаты. Всадником на вороном жеребце оказался дядя Тревор Нье'Лири – брат её отца.

Она не видела его с той самой страшной ночи и, наверное, сейчас обрадовалась бы ему рада, если бы не его спутники – четверо тавиррских псов. Эрика узнала на их крагах и предплечьях чёрные волчьи головы. А дядя вёл себя так, словно они были лучшими друзьями. Эрика схватила лук и колчан, забросив их на спину, велела детям быстро спуститься вниз, а сама выбралась в западное окно. Оттуда осторожно поднялась по карнизу на крышу и притаилась за большой печной трубой, вцепившись пальцами в шершавую черепицу. Безуспешно пыталась успокоить дыхание, но ненависть накрыла её с головой. Сердце билось где-то в горле, и даже руки дрожали – так сильно ей хотелось натянуть тетиву и выпустить четыре стрелы. Она сняла бы этих всадников одного за другим, они бы и понять ничего не успели.

Эрика разжала пальцы, упёрлась ногами в каменную спину горгульи и натянула тетиву, вкладывая стрелу одним точным движением. Прицелилась в самого крупного рыжеволосого мужчину, но…

…вовремя себя остановила.

Тавиррские псы были не просто солдатами. Их одежда, лошади, сёдла – всё выглядело хоть и пыльным, но очень дорогим. Варёная кожа, шипы, серебряный аграмант на крагах, рукояти мечей украшены камнями – это какие-то важные люди. За их убийство будет кара. Такого ей не простят. Замок сожгут и убьют здесь всех. Жестоко убьют.

И тетива ослабла в напряженных пальцах.

Тавиррцы спешились и походкой хозяев земли направились внутрь замка впереди дяди Тревора. Эрика опустила голову на скрещенные руки и зажимая стрелу в кулаке и пытаясь успокоить дыхание. Нехорошее предчувствие разливалось в груди холодом.

Не сейчас. Не здесь. Позже.

Она проследит за ними до Эогана или ещё дальше – до моста. И убьёт их там. Всех. И даже дядю Тревора, если он с ними заодно. Нет, не «даже» – его она убьёт первым, если он с ними заодно.

Захотелось плакать от обиды и злости, но Эрика лишь несколько раз вдохнула-выдохнула, медленно опустила стрелу в колчан и поползла по крыше на противоположную сторону. Как бы там ни было, ей нужно узнать, о чём эти псы будут говорить с тётей Бригиттой. Может оказаться и так, что они приехали по её душу. И тогда прощай платье, турнир, свадьба и спокойная жизнь с Иваром Йорайтом. Если предчувствие её не обманывает, то ей придётся бежать в лес. И быстро.

Глава 2. Дядя Тревор

– …Что? Да я ушам своим не верю! – донёсся до Эрики удивлённый голос тёти Бригитты.

– Тем не менее это так. И для нас всех это надежда на то, что война, наконец, закончится.

Начало разговора Эрика пропустила, пока добиралась до нужного окна, но, услышав искреннее удивление в голосе тёти, даже выдохнула. Похоже, незваные гости явились всё-таки не по её душу, хотя чутьё всё равно советовало ей бежать, не оглядываясь.

– Но… ты им веришь? – спросила Бригитта чуть тише.

– Верю ли… Знаешь, – голос дяди тоже стал тише и глуше, – я видел пустоши, будто язвы в земле. Нет леса… Деревьев, травы, зверей… Один только серый туман. И они расползаются, эти язвы, и с каждым убитым они всё больше. И король, наконец, это понял. Зачем ему нужен этот край, если от него останутся одни голые камни?

Голоса удалились – дядя и тётя отошли куда-то вглубь комнаты, а Эрика поджала ноги и обхватила колени руками.

О чём они толкуют? Война закончится? Неужели дядя говорил про мирный договор? Это было бы хорошо…

Голоса вернулись.

– …Ну не знаю, с чего вообще ты взял, что она здесь? – фыркнула тётя.

– Не лги мне, Бригитта! Наши с тобой головы держатся на плечах только потому, что я обещал найти её здесь. Я знаю, что ты её прячешь.

– Моя-то голова здесь при чём? Я знать не знаю, где дочь твоего брата. У меня своих ртов полно, с чего мне тут прятать ещё и Эрику? Да и как, по-твоему, она бы сюда добралась?

Эрика напряглась, встала на одно колено, чуть сползла к краю, упёрлась на полуобвалившуюся горгулью и наклонилась, прислушиваясь. Дядя и тётя говорили в покоях Бригитты, а четверо тавиррцев стояли внизу под окнами. Один пинал балюстраду, другой – тот, кого она хотела снять стрелой – жевал травину, и все они переговаривались, лениво рассматривая двор.

– Её видели. Узнали и донесли. Хорошо, что я слышал этот донос и… – сказал дядя, но Бригитта его перебила.

– Ты теперь служишь тавиррским собакам и слушаешь их доносы? – в тихом голосе тёти прозвучало неприкрытое презрение. – Они отрубили голову твоему брату, сожгли мою сестру, а ты теперь лижешь им сапоги?!

У Эрики сердце ушло в пятки.

Узнали?! Донесли?! Триединая мать!

– Такова цена, Бригитта. И наша племянница – часть этой цены. Ты либо сама её позовёшь, либо её найду я. И лучше бы она, и правда, нашлась, – голос дяди стал глухим и раздражённым. – А не то…

– А не то что? Ты и нас сожжёшь, проклятый предатель? – воскликнула Бригитта. – Ищи, если хочешь, но её здесь нет!

Дальше Эрика слушать не стала. Смысл разговора и так был ужасающе понятен.

«Эрика – часть этой цены»! Проклятый дядя продал её за мешок золота королю Тавирры! И теперь её голову наденут на пику рядом с головой отца на главной площади Кальвиля и будут глумиться! Нет уж! Лучше смерть в бою!

Она в ярости оттолкнулась ногой от каменной горгульи, но та, не выдержав такого натиска, внезапно треснула пополам, раскрошилась и посыпалась вниз каменным дождём прямо на головы незваным гостям. Послышалась брань, и Эрика, не дожидаясь, пока ей в спину полетят стрелы, быстро взобралась наверх и побежала по коньку крыши.

– Эй! Стоять! Держи девчонку! – крикнул кто-то снизу. – Держи её!

Краем уха она услышала гортанную брань, звон стали, собачий лай и увидела, как тавиррцы бросились по двору врассыпную. Эрика остановилась на краю балки, вскинула лук и выпустила три стрелы, одна из которых попала в цель, и побежала дальше. Её гнали злость и страх, и она прыгала, как серна: на крышу конюшни, на старую осыпавшуюся кладку стены, а уже с неё – на солому, почти не глядя. Бежала по выкошенному лугу вниз, в заросли таволги в розовых метёлках цветов, и уже оттуда – в густой ольховник над ручьём. Но ей не хватило всего три шага, чтобы нырнуть в его спасительную зелень.

Сзади раздался знакомый свист, и ноги из-под неё будто вылетели. Эрика упала навзничь, лицом прямо в густую шапку клевера. Её лодыжки плотно обвил ярг – длинный тонкий кнут с жилами живого серебра, из которого нельзя выпутаться. Айяаррское оружие, которое люди не так давно обратили себе на службу.

И подумалось только – как же глупо она попалась.

От обиды и злости слёзы едва не брызнули из глаз, и она изо всех сил цеплялась пальцами за клевер, выдирая его вместе с цветами, пока её тащили кнутом назад, прочь от спасительных зарослей. Она хотела вывернуться и умудрилась даже достать из-за пояса кинжал, но ей заломили за спину руки, связали верёвкой и отобрали и кинжал, и колчан, и лук. Она лежала, уткнувшись лицом в траву, чувствуя ноздрями запах свежескошенного сена, и вдруг увидела перед собой листочек с четырьмя лепестками.

Встретить четырёхлистный клевер доводится не каждому, и считается, что это к очень большой удаче. Но воистину говорят: удача – жестокая Богиня. А ещё, что у Богини Танаис два лица: одно из них с улыбкой, а другое – с оскалом. Поэтому, когда она протягивает руку – не зевай, успей за неё ухватиться, пока Двуликая Танаис не повернулась к тебе другой половиной.

А Эрика не успела. Надо было бежать сразу, когда внутренний голос шептал… когда увидела этих всадников…

Да уж, и впрямь большая удача! Выбирай, Эрика: лишиться головы или отправиться на костёр!

Эрику перевернули и посадили, и над ней нависло лицо Тревора Нье'Лири – огромная рыжая борода, орлиный нос и льдисто-голубые глаза из-под кустистых бровей.

Дядя совсем не похож на её отца, словно и не брат ему вовсе. Громогласный, ширококостный, но при этом ловкий и быстрый, словно ящерица. Он всегда был хорошим бойцом, и Эрика не могла поверить в то, что он стал предателем. Но глаза ей не лгали – Тревор Нье'Лири стоял рядом с её врагами и, ухмыляясь, похлопывал по плечу одного из них.

– А она шустрая, моя племянница, а? Как отделала Гаштона! До следующей луны, поди, дыра в его боку не зарастёт, – он подмигнул ей, а Эрика в сердцах плюнула ему под ноги. – Ну-ну, не кипятись, я тебя порадовать приехал. Тащите её в дом, да аккуратно, смотрите, чтобы ни царапины, – бросил он коротко своим спутникам и, погладив пышную бороду, зашагал впереди.

Эрику притащили и усадили на стул прямо в большом зале, в котором, видимо, в те времена, когда замок ещё не был разрушен, проходили приёмы гостей. Но сейчас большой камин никто не топил – слишком уж много дров пожирала его чёрная пасть, часть окон заколотили, а на полу повсюду валялась солома. По-настоящему жилым в этом доме оставался только второй этаж.

– Ну, и что это ты удумала, племянница? – Тревор Нье'Лири присел на край деревянного стола и скрестил руки на груди. – Куда бежать собиралась?

Эрика смотрела на него исподлобья и молчала, подбирая слова для дяди-предателя.

– Что, дядя, мешок золота, что посулили за мою голову, не давал тебе спокойно спать? – наконец, выдохнула она со злостью. – Сейчас я даже рада, что отца уже нет в живых. Он не увидит твоего позора!

Тревор Нье'Лири сделал знак рукой, и трое тавиррцев молча вышли из комнаты.

– Ты думаешь, что я предал наш род, девочка? – он снова погладил бороду. – Нет. Я спас нашу землю и наших людей от истребления.

– И как же ты их спас? Обменяв на мою жизнь? – зло усмехнулась Эрика.

– В некотором смысле да, – дядя как-то странно ухмыльнулся, – но не так как ты думаешь. Как старший мужчина в роду и от имени Янтарного совета я заключил соглашение с королём Тавирры о летнем перемирии – ты слышала, наверное. Уже третий месяц как закончились сражения. И дальше так и будет, если ты – дочь моего брата – будешь благоразумна.

– И в чём же я должна быть благоразумна?

– Ты должна сделать то, что я скажу.

– Добровольно пойти на смерть? Взойти на костер, восхваляя короля Раймунда? – спросила она, едва сдерживая клокочущую в груди ярость.

– Не совсем, – дядя опять погладил бороду. – Чтобы спасти свой народ, умирать вовсе не обязательно. Тебе всего лишь нужно выйти замуж.

– Замуж? Я и так собиралась замуж, пока ты не появился здесь! – яростно воскликнула Эрика.

– За купеческого сына? Хе-хе-хе! Я слышал эти байки. Но уж точно не за такое ничтожество следует выходить наследнице Янтарного трона, – хмыкнул дядя в рыжие усы.

– А за кого же?!

– За короля Раймунда.

Эрика фыркнула, понимая, что дядя ляпнул какую-то глупость, но он смотрел сосредоточенно и серьёзно, впившись в неё тяжёлым взглядом прозрачных голубых глаз.

– Что?! – Эрика едва не подавилась воздухом, понимая, что… нет, кажется, это не шутка. – Ты же не…

Но по выражению лица Тревора было понятно, что он говорит серьёзно. И что-то взорвалось в ней, выплеснулось фонтаном ярости, и если бы сейчас ей дали кинжал, чтобы всадить в грудь дяди, она бы так и сделала.

– Ни за что! Выйти замуж за убийцу моей семьи?! Да что, безумная Кхира осенила тебя своим чёрным крылом, и ты спятил?! – Эрика вскочила со стула, но связанные руки мешали влепить дяде пощёчину, и она лишь топнула ногой и добавила, вложив в слова всю силу своей ненависти: – Никогда! Ни за что! Он казнил отца! Он сжёг мою мать! Да я лучше сама взойду на эшафот, чем лягу в его постель! Сколько золота тебе посулили за это? Мерзавец! Предатель! Болотный уж!..

Она кричала что-то ещё, совсем не помня себя от ярости, осыпая его всеми мыслимыми ругательствами, а дядя стоял, как каменное изваяние, и молчал. Лишь когда силы её иссякли, он крякнул в кулак и произнёс как ни в чём не бывало:

– Прооралась? А теперь сядь и послушай, – он подошёл и, положив ей на плечи свои большие руки, толкнул обратно на стул. – Сдохнуть-то проще всего. И кабы ты была какой-нибудь прачкой или торговкой, то, как говорится, сама дура – хоть в омут, хоть в болото. Но ты не прачка, и не торговка. Ты – наследница Янтарного трона. И ты в ответе за свой народ. Ты когда добиралась сюда, видела, наверное, что осталось от нашей страны? Лохмотья! Балейра почти пала. И если мы и дальше будем сопротивляться, если тавиррцы и дальше будут истреблять дочерей янтаря и вереска, от нашей земли совсем ничего не останется. Я был в тех местах, где нет уже ни одной фрэйи, знаешь, что я там видел? Сумрачный лес. Язвы в земле. Ушла трава, и деревья… звери, птицы. Остались только камни… пепел и туман. И лучше в тот туман не заходить никому живому. – Он отошёл к окну и отвернулся. Постоял, скрестив руки на груди, а потом произнёс тише: – Твой отец принял бы в итоге такое же решение.

– Но зачем я нужна королю Раймунду, если ты и так решил сдать Балейру! – воскликнула Эрика, не совсем понимая, к чему ведёт дядя.

– Король не хочет получить просто голую землю. Он хочет сохранить нашу магию…

– Он для этого отправляет на костёр одну фрэйю за другой? – криво усмехнулась Эрика. – Чтобы сохранить нашу магию?

– Все совершают ошибки.

– Ты словно защищаешь его! О, Триединая мать! – Эрика вскинула голову и спросила, глядя на дядю с прищуром: – А зачем вообще королю нужна именно я? Я же теперь никто. Сирота. Ни дома, ни земель… Балейру ты и так хочешь сдать. Зачем ему на мне жениться?

– Не кипятись. Условия мирного договора таковы, что это именно ты, как наследница Янтарного трона, сдашь ему Балейру и присоединишь наши земли к Тавирре. Ты поставишь подпись на мирном договоре. А ещё поделишься с королём своим Даром, передав его вашим детям – потомкам короля Раймунда, – с этими словами Тревор Нье'Лири обернулся. – Король Раймунд хочет обладать магией Лесного народа, только так он согласен оставить фрэйям жизнь.

– Ни за что! – горько, но твёрдо выдохнула Эрика.

– Тогда вся Балейра погибнет. Сожгут каждую фрэйю, какую найдут. Мужчин убьют, чтобы некому было продолжить имена наших кланов, а девушек… Думаю, ты догадываешься, что с ними станет. Или ты можешь их всех спасти. И прежде, чем ты скажешь ещё раз своё «Ни за что!», подумай, а что должен делать настоящий правитель?

Он оттолкнулся от окна, подошел к Эрике сзади и развязал ей руки.

– Ты думаешь, я не скорблю? Думаешь, каждый шаг по этой земле не отдаётся болью в моём сердце? Но время пришло: пора развеять прах мёртвых, подумать о живых и начать жить дальше. К тому же твой брак одобрил Янтарный совет, – Тревор Нье'Лири залез во внутренний карман и достал оттуда бархатный мешочек. – И я привёз кольцо будущей Янтарной королеве.

Эрика чувствовала, что ей не хватает воздуха. Как её душит ярость и ужас от того решения, которое ей предстоит принять, и понимание, что в словах дяди есть мудрость правителя.

Он говорил Эрике ещё много жестоких слов, и во всех этих словах была только одна правда – она не может думать и решать просто как Эрика – девятнадцатилетняя девушка, живущая в Кинвайле. Она должна принимать решения, как будущая королева. И, к сожалению, эту ношу нельзя переложить на кого-то другого.

– Ты должна понимать, Эрика: ты можешь спасти свой народ ценой этой жертвы. А именно личные жертвы и страдания всегда прославляют правителей.

– Но… как же я смогу передать свой Дар тому, кого ненавижу так сильно? А как же зов леса? – спросила она уже тише, ощущая с каждым мгновеньем, что эта ноша всё сильнее давит её к земле. – Я же фрэйя, моё сердце само выбирает, кого полюбить и с кем поделиться Даром. Я не смогу отдать его тому, кого ненавижу всем сердцем так сильно. Ничего же не получится…

– Ну… Есть одно средство, – дядя Тревор прищурился. – Зов леса можно обмануть. И я знаю, как это сделать.

Глава 3. Стальной поцелуй

Дядя уехал на следующий день.

– Ты же не станешь делать глупостей? – спросил он Эрику перед тем, как попрощаться.

Она устало покачала головой. После прошлого разговора что-то внутри неё как будто надломилось и пришло понимание, что она больше не может распоряжаться своей судьбой. Любой её неосторожный шаг будет стоить тёте Бригитте и её детям жизни. И тем, кто живёт в замке. И Ивару Йорайту. И всем фрэйям этих земель… Какие уж тут глупости?!

Король Раймунд пообещал согнать всех жителей Балейры к скалистым утёсам Аррена и топтать лошадьми до тех пор, пока они сами не бросятся в море. Дядя не скупился на описания того, что тавиррцы сделают с каждым, если Эрика сбежит, умрёт или вздумает разделить ложе с каким-нибудь ретивым юношей. На последнем дядя Тревор сделал особенный акцент – король желает, чтобы его невеста осталась нетронутой. Чтобы ни на кого не растратила даже капли своего Дара. И от этих слов Эрика закипела в одно мгновенье, вспыхнула вся, едва сдерживая бранные слова, хотя и понимала, что не дядя в этом виноват. Но мысль о том, что она не вольна в своём выборе, была унизительной настолько, что от бессилия хотелось плакать.

Ведь фрэйи сами выбирают себе мужей. В другие времена никто во всей Балейре не смог бы принудить её к браку, которого она не хочет, не опасаясь гнева Ясноликой Эйне – Триединой Матери. Только зов леса и пробуждение истинной сущности могло указать фрэйе кого ей выбирать себе в пару. Но зова леса Эрика ещё не слышала, потому что мать не успела провести обряд, не успела открыть её Ясноликой. А потом старая Фло дала ей браслет, чтобы этого и не случилось. И Эрика не слышала не только зов, но и даже шёпот леса. Так легче прятаться среди людей и стать на них похожей.

Дядя оставил деньги. Много денег. Целый кошель золотых. Такого богатства в старом замке найрэ Нье'Келин не видели уже очень давно. Часть денег предназначалась на то, чтобы подготовить невесту к помолвке – сшить платья и туфли, купить гребни, украшения, ленты. А часть, чтобы скрасить «горькую пилюлю этой жертвы», как выразился дядя Тревор. Эти деньги он отдал

Бригитте и велел купить на них масла, зерна или гусей, или чего они сами захотят.

Про их уговор рассказывать было не велено. И все приготовления к свадьбе должны вестись и дальше так, будто эта свадьба будет с Иваром Йорайтом, потому что вокруг так много тех, кто ненавидит короля Раймунда, и кто станет ненавидеть Эрику, если узнает о том, что она сделала. Не хватало ещё, чтобы невесту самого короля убил какой-нибудь фанатик.

– Не все оценят твою жертву, – произнёс дядя тихо, – но такова участь всех правителей. Не все понимают, что нас ждёт полное истребление. Упрямые северяне всё ещё надеются победить. Верят, что их защитит Великое озеро, Перешеек и туманы, но Рябой король очень упорный, рано или поздно север тоже падёт, и их всех утопят в море как щенят. Но пока… Пока в Кинвайле тебе безопаснее всего, а вот на юг тебя повезут уже совсем другие люди. И лучше, чтобы никто, кроме них, не знал, кто ты такая.

Дядя рассказал, что отправит гонца, и через месяц за ней приедет вооружённый отряд из Кальвиля. Привезёт королевского эмиссара и барристера – заверить бумаги. И, чтобы никто потом не признал брак недействительным, здесь обряд проведут по законам Балейры с агатом – представителем от имени короля, а дядя Тревор будет свидетелем со стороны Янтарного совета. После этого Эрика отправится в Тавирру. Ещё не законной женой, но уже и не просто невестой. А в Кальвиле проведут обряд по тавиррским законам с королём Раймундом. Там будет пышная свадьба и почести, и всё остальное. Там она уже станет королевой и его женой.

– И перестань пить отвар, которым пичкает тебя Бригитта, – буркнул Тревор Нье'Лири, завязывая плащ, – а то глаза у тебя как болотная жижа. А королевский барристер должен удостовериться в чистоте твоей крови, и лекарь подтвердить, что ты… хм… ещё девушка.

Эрика снова вспыхнула, и рука непроизвольно сжалась, будто пытаясь ухватиться за плечо невидимого лука. Ей хотелось придушить дядю, особенно после того, как он без обиняков рассказал, что ей предстоит в первую брачную ночь. И хотя она уже давно не была ребёнком на попечении нянек, скрывавших лишнее от детских глаз и ушей, да и жизнь в замке Кинвайл не оставляла никаких тайн в отношении того откуда берутся дети, но дядина прямолинейность её просто обескуражила. Когда он говорил о том, что

произойдёт и что ей нужно будет сделать, чтобы передать Дар, её обуревала злость, отвращение и страх. Почему мама не рассказала ей всего этого? Ей следовало сделать это сразу после шестнадцатилетия: пройти обряд, услышать зов леса, почувствовать всё, полюбить того, кого предназначила ей судьба…

Но в ночь на её шестнадцатилетие тавиррцы подожгли Ирвин, захватили Восточную Балейру, и стало как-то не до обрядов и бесед по душам. Да и кто тогда мог подумать, что вскоре ей придётся ложиться в постель с врагом и отдавать ему себя не по любви, а от безысходности.

Всем сказали, что дядя Тревор приезжал известить о мирном договоре, и что денег дал в долг, чтобы подготовиться к зиме. Бригитта золото спрятала и решила, что купит всего понемногу позже, когда Эрика уже уедет. Не стоит привлекать лишнее внимание щедрыми тратами. Но с того дня в замке на всякий случай поселили сына кузнеца – Уилмора, здоровенного детину, который умом был слабоват, зато руками легко мог гнуть подковы. И хотя о договоре знали только Бригитта, Эрика и дядя Тревор, всё равно так было спокойнее. Белошвейкам и портнихам сказали, что приданое оплачивает Ивар, и все вздыхали и перешептывались о том, как, должно быть сильно, сын купца любит Эрику, раз не поскупился на такие богатые наряды.

Все эти приготовления и хлопоты были Эрике ненавистны. Поэтому с того дня, как дядя Тревор покинул замок, она каждое утро брала колчан и лук и уходила спозаранку в лес, хотя тётя и просила её быть осторожнее.

– Не бойся, зайцы с лисицами меня не обесчестят, – Эрика лишь криво усмехнулась на очередные просьбы тёти.

– Зайцы-то зайцами, да полно в лесах беженцев и всякого лихого люда, – ответила Бригитта, но видя, что племянница сама не своя, настаивать не стала.

И Эрика всё это время пропадала в окрестных лесах, и никогда ещё она не приносила в замок так много дичи, как в этот последний месяц лета, словно каждая выпущенная стрела на самом деле предназначалась её врагам.

Постепенно ярость улеглась, перегорела и остыла, превратившись в холодную сталь ненависти. Слова дяди о том, что она как будущая королева должна думать о своём народе, если не примиряли её с существующим положением дел,

то хотя бы заставляли воспринимать всё как неизбежную жертву и долг. И, сидя где-нибудь на опушке на нагретых солнцем камнях, когда вокруг сквозь узорную зелень листьев лилось тёплое золото лучей, она почти готова была к тому, чтобы безропотно принять свою участь. Но, видимо, снова вмешалась Богиня Танаис, и неизвестно каким из своих лиц она повернулась к Эрике на этот раз.

– …а я бы не рискнул целовать невесту короля, хоть и с разрешения. Даже будучи королевским агатом. Да ну его! А ну как потом Раймунд оттяпает тебе башку за то, что прикасался к его красавице?

– А кто сказал-то, что она красавица? Может, она страшная как болотная жаба?

Эрика встрепенулась, услышав мужские голоса. Соскользнула с камня, прокралась тихо, как ящерица, между замшелых валунов и осторожно выглянула из-за ствола поваленного дерева. По ложбине вдоль русла ручья, в котором на исходе лета совсем уже спа?ла вода, ехал тавиррский отряд. Человек пятнадцать. Тропа изгибалась, петляя меж валунов и скрывая часть всадников за густыми кустами, так что сосчитать всех Эрика не успела. Она жадно вглядывалась в их лошадей, варёную кожу курток, усеянную шипами, хорошие сёдла и мечи, и чувствовала, как ярость, которую она упорно загоняла в силки рассудка целый месяц, снова разворачивает крылья, рвёт путы благоразумия, заставляя трепетать ноздри и сильнее стучать сердце. И хотя отряд не вёз с собой никаких штандартов, и при них не было никаких знаков отличия, Эрика без труда узнала плавный южный говор.

– А ну коли она страшная, то тогда тебе, Вик, вообще повезло! – всадники расхохотались. – Есть шанс, что она из жабы превратится в красавицу от твоего поцелуя! И тогда король отсыплет тебе от своих щедрот!

– А я бы не стал целовать жабу даже за золото. Слышал я, что все они тут как одна – ведьмы, и ну как сам ты обернёшься жабой? – раздался чей-то голос, и снова послышался смех.

– Не-не, Бирн, ты что! Командор не станет целовать эту девицу, если она страшная! После леди Мелисандры целовать какую-то балеритскую замухрышку? От неё же, поди, навозом воняет за полкварда! Вик такого не потерпит. Это выше его достоинства, его же потом в Кальвиле за такое засмеют, а Вик? – подначивал командора кто-то из отряда.

– Да заткнулись бы вы, – лениво отмахнулся тот, над кем все подтрунивали, – всю дорогу не уймётесь я вижу. Завидуете, что не вам принцессу целовать?

– Эй, командор, а ежели принцесса эта страшная, как жаба, спорим, ты её не поцелуешь?

– Чего же не поцеловать, раз она невеста самого короля! Уж с такой белой костью как у командора, только и пристало целовать принцесс…

– Неа, не поцелует!

– На что спорим, Корин? – тот, кого звали командором, попридержал лошадь, оборачиваясь к особо рьяному спорщику. – Пятьдесят золотых?

– Ну, кто же так спорит! – вмешался кто-то ещё. – С Виком спорить – себя не уважать, он же тебя обдерёт как липку! Тут надо сразу обговорить условия, это смотря какой поцелуй, а так-то он тюкнет её в губы – и прощай твои золотые!

– Не-не, что ещё за «тюкнет в губы»? Да ещё за пятьдесят золотых? Надо по-настоящему, долго и с языком, да так, чтобы она сомлела вся, ну и за грудь её потискать, раз уж такой случай представился – когда ты ещё полапаешь за грудь будущую королеву? А мы поглядим. Это тебе не мечом махать, тут настоящая отвага нужна.

По отряду прокатилась волна смеха, и всадники начали делать ставки на то, что этот самый командор на такое не отважится.

Но командор отважился.

– Думаешь, смелости не наберусь? – пренебрежительно усмехнулся он, придерживая коня.

– Потискать будущую королеву? За такое можно и головы лишиться.

– Головы лишиться можно в любой момент, Корин. А тут хоть будет весело!

Эрика лежала, сминая пальцами мох, и понимая – они говорят о ней. И что это тот самый отряд, который должен забрать её в Кальвиль. Они были совсем близко, и ветви рядом с ней качались от прикосновения к их плечам. Она впилась взглядом в того, кого все называли командором, и ярость вперемешку с ненавистью прокатилась в её душе, как верховой пожар по сосновому лесу.

По командору сразу было видно, что он главный, и что все они его уважают, и хоть и подшучивают над ним, но лишь потому, что он сам им это позволяет. А он восседал на коне как на троне. Ехал хозяином земли, глядя прямо перед собой и высоко держа голову. Из своего укрытия Эрика видела его профиль – гордый, совершенный – такой только на монетах чеканить. Их предводитель был небрит, видно, что в дороге уже не первый день, тёмные волосы лежали спутанными кольцами. Эрика рассмотрела и брови, такие же тёмные, почти чёрные. И глаза…

Он потянул повод, чуть обернулся, чтобы ответить кому-то, и Эрика увидела, что глаза у него тоже чёрные как угли на фоне светлой кожи – даром, что он южанин. И её взгляд невольно соскользнул на его губы, потому что они только что говорили о поцелуях. Красивый изгиб, снисходительная усмешка – и впрямь «белая кость»! Видно, что принадлежит он к тавиррской знати…

А потом она увидела герб на его плече – белый волк и серебристый круг луны на фоне гор. Герб Дома Адемаров. И все её попытки совладать со своей яростью в одно мгновенье разлетелись на куски.

Перед глазами мелькнули картины прошлого: горящие дома, люди, бегущие по улицам, и они – тавиррские всадники, у одного из которых был такой же волк на штандарте. И факелы в их руках.

Всадники ехали и перебрасывались шуточками о том, как этот Вик будет целовать и тискать её на обряде на потеху своим друзьям. А потом они всё-таки поставили на то, что он не сможет этого сделать, а командор поклялся, что девчонка не забудет этот поцелуй до конца своих дней. Они ударили по рукам, а некто по имени Хилет Тейн, в шапке с кисточкой, похожей на судейскую, скрепил их спор и сложил в кошелёк золотые.

Пальцы утонули в подушке мха, сгребая его в горсти, и от той ненависти, что накрыла Эрику с головой, казалось, зазвенел даже воздух в лесу. В этот момент время будто замедлилось, тело налилось холодной сталью, и Эрика решилась.

Он получит своё, этот заносчивый тавиррский пёс! Хочет поцелуев? Он получит от неё поцелуй! Стальной поцелуй! И он не забудет его до конца своих дней, который наступит прямо сейчас!

Она пробралась на другую сторону каменного гребня, чуть опередив всадников, неторопливо огибающих этот выступ скалы. Выбрала удобную позицию, спрятавшись среди папоротников, сняла колчан и положила рядом.

Жизнь за жизнь! Пусть Дом Адемаров поплатится за то, что они сделали с её матерью и отцом. Не будет этот заносчивый подонок её целовать! И пусть ей потом хоть голову отрубят.

Эрика вытащила стрелу с красным оперением. Одну такую она всегда носила с собой. Чёрное древко, сапфировая сталь, испещрённая тонкой вязью балеритских рун. Пять таких стрел в их замке в Гранарде оставил отец, уезжая в свой последний поход. Стрел, способных убивать тех, в ком есть Дар.

В тот вечер он рассказал ей о том, что успехи тавиррцев в завоеваниях не были бы такими оглушительными, если бы им не помогали падшие Дома – айяаррские прайды, перешедшие на службу к королю Раймунду. И Дом Адемаров был одним из них.

– За тебя, папа, – прошептала Эрика, натягивая тетиву.

…семь… шесть… пять… четыре…

Глава 4. Недоумки Его Величества

Рука болела нестерпимо.

И хотя получать вражескую стрелу Викфорду приходилось не впервые, но вот испытывать такую боль от простой раны в плечо было в новинку. Ему казалось, что под кожей медленно растекаются огненные змеи боли, расползаются по руке вверх и вниз странным рисунком, будто повторяя китавр – витиеватый балеритский орнамент, которым фрэйи обычно украшают свою одежду.

Викфорд знал, что ему не страшна балеритская сталь, и об этом красноречиво свидетельствовали два шрама от кинжала пониже рёбер, но сейчас ему внезапно стало страшно. А что если это и правда, то самое колдовство, о котором всю дорогу болтают его псы? Вернее, какое-то другое, а не то, что убивает Дар? Если он и в самом деле умрёт от этой раны?

Проклятье!

Он держался изо всех сил, стискивал зубы, чувствуя, как по спине стекают струйки пота, но виду, насколько ему больно, не показывал. Потому что отряду не полагается видеть его слабости. Кондотьер Стальное сердце не имеет права на слабости.

Они проехали развилку на Адерин, но не стали заезжать в городок, хотя до этого и собирались. Викфорд решил, что если ему станет совсем худо, то лучше им всем побыстрее оказаться на месте. И надо хотя бы Корину Блайту передать полномочия королевского агата и вручить балеритскую принцессу. Ведь он поклялся, что выполнит это поручение во что бы то ни стало. Он дал слово. А слово Викфорда Адемара в Кальвиле равно звону золота, и уж точно он не станет его нарушать из-за балеритской стрелы, выпущенной мальчишкой. А мальчишку он обязательно поймает… если, конечно, останется жив.

Он вытер пот со лба и вгляделся в очертания за?мка на холме. Вот и Кинвайл. Там ему и обещали вручить треклятую невесту.

Вечереет, надо спешить…что-то ему совсем худо…

Огненные змеи пробирались уже по шее, спускались вниз по спине, будто прорастая в его теле невидимыми корнями, и ноздри стали остро чувствовать все запахи: прелой листвы, мха, собственной крови…

Замок Кинвайл представлял собой жалкое зрелище. Мост через ров и главная башня были ещё в хорошем состоянии, но за башней виднелось разрушенное правое крыло, на развалинах которого уже прорастали молодые берёзки и тополя. Двор заставлен телегами и бочками, бегают куры, и навоз небольшой кучей лежит тут же. Полуразрушенные стены замка покрывал слой копоти, повсюду виднелись следы давнего пожара, а часть окон оказалась забита

досками. И охраны в замке почти никакой, один только здоровый детина, которого Корин Блайт оттолкнул ногой на солому, когда тот попытался перехватить его лошадь под уздцы.

– Нда, смотрю, роскошно живёт королевская невеста, – произнёс Нурберт – один из наёмников, и все остальные расхохотались.

– С чего ты взял, что она живёт здесь? Балериты те ещё хитрые лисы, здесь наверняка просто назначили место, – ответил королевский барристер, и все с ним согласились.

Не может королевская невеста – наследница Янтарного трона, жить в такой дыре.

Викфорд спешился и, отдав поводья Бирну, не стал задерживаться во дворе и разглядывать местных, высыпавших навстречу отряду. На их лицах читались испуг, любопытство и злость, и последнего, пожалуй, оказалось больше всего. Оно и понятно, что Викфорду с его отрядом тут были рады так же, как чуме или пожару.

Он пересёк двор, по пути отшвырнув носком сапога ярко-рыжего петуха, который бросился ему под ноги, и тихо выругался. Петух не отстал, гнался за ним до самых дверей и напал ещё трижды, под конец вскочив ему на спину. Викфорд развернулся и изо всех сил приложил сапогом дурную птицу.

– Похлёбка по тебе плачет! – буркнул он и вошёл в большой холл, глядя на который становилось понятно, что внутри замок ещё более убог, чем снаружи.

Викфорда встретила высокая худая женщина со связкой ключей на поясе, и в иные времена он бы принял её за экономку, но услышав, как кто-то обратился к ней «найрэ», понял, что это и есть сама хозяйка замка. Что же, неудивительно… Она и похожа на своё жилище…

– Найрэ Нье'Келин, я полагаю? – он стянул с головы шляпу, поклонился и церемонно представился. – Викфорд Адемар из Кальвиля, агат Его Величества. Вы должны были ожидать моего приезда.

Хорошие манеры никто отменял даже в таком заунывном месте. Даже с врагами. Даже в таком состоянии, как у него сейчас. Но хозяйка его галантности не оценила, окатила холодным взглядом и ответила на приветствие сухо. А потом добавила, указывая руками на ободранный пустой холл:

– Располагайтесь и ни в чём себе не отказывайте. Соломы наш конюх ещё принесёт. Могла бы принять вас получше, но ваши… те, кто были здесь до вас, не слишком хорошо обошлись с этим домом, поэтому уж как есть.

Викфорд прищурился и медленно положил шляпу на стол.

Значит, не хочет по-хорошему…

Его уже почти лихорадило, боль стягивала половину тела, и сарказм этой ободранной хозяйки ободранного дома был нужен ему сейчас меньше всего. Он давно не чувствовал себя таким больным и разбитым. Да, если честно, он вообще никогда не чувствовал себя так паршиво. Обычно раны на нём заживали как на собаке, и на здоровье он никогда не жаловался. А вот сейчас эта слабость оказалась так некстати. Они в чужом доме – в доме заклятых врагов, и всё это может закончиться чем угодно, а он едва может передвигать ногами. Вместе со слабостью волнами накатывала и злость на этого треклятого стрелка и свою невнимательность. Каким ядом была смазана эта стрела? Теперь он понимал, что это яд, не иначе, а вовсе даже не колдовство. И может, именно поэтому стрелок был один, а настоящая засада поджидает их здесь, в этой дыре.

Он глянул через плечо на Корина Блайта, который только что вошёл внутрь, и бросил коротко:

– Обыщите здесь всё, перетряхните дом от чердака до подвала – не хватало ещё нарваться на какую-нибудь засаду, и выставь караулы. – Он перевёл взгляд на хозяйку и спросил холодно: – Здесь есть какой-нибудь лекарь? Кто-нибудь, кто умеет держать в руках иголку и штопать раны? И ещё… в этом доме найдётся что-то покрепче того пойла, что тут повсюду зовётся элем?

Викфорд открыл сумку в поисках собственной фляги с бьяхой – крепким напитком, который не чета местному элю. Но фляга оказалась почти пуста.

Найрэ Нье'Келин неопределённо пожала плечами.

– Лекаря нет, всех перебили ваши… те, кто были здесь до вас, а из пойла у нас только вода из ручья.

Викфорд вытащил из сумки стрелу с наконечником из балеритской стали и хотел уже бросить её на стол, но увидел, как изменилось лицо хозяйки дома, хоть она и попыталась это скрыть.

– Хм, вижу, что вам, найрэ, знакома эта вещица?

Он повертел стрелу, и в тусклом свете, пробивавшемся из двух не заколоченных окон, её наконечник казался молочно-сизым, как ягода терновника.

– А чего же в ней незнакомого? Стрела это, – снова пожала плечами хозяйка дома, придав своему лицу безразличное выражение. – Война, вот и стрелы повсюду.

– Взять её, – бросил Викфорд своим людям.

Два наёмника с готовностью выкрутили женщине руки и, связав верёвкой, усадили на грубый деревянный стул. Викфорд прислонился плечом к большой стене камина, прижимая к телу раненую руку. В холле было сыро, гуляли сквозняки, и хотя на улице стояли последние дни лета, ему стало холодно.

Сейчас бы погреться у огня…

Озноб колотил его всё сильнее.

– Послушайте, найрэ, – произнёс он, не сводя глаз с хозяйки дома, – мне нужно немного: лекарь, бутылка бьяхи и узнать, кто хозяин этой стрелы. Вижу, что он вам знаком. И если всё это у меня будет, даю слово, я вас не трону, и мои люди здесь тоже никого не тронут. Но всё это мне нужно быстро. Вы меня понимаете?

Но хозяйка дома молчала и упёрто смотрела в тёмный угол. Викфорд подошёл, достал из ножен кинжал и поднёс его к подбородку найрэ Нье'Келин.

– Я вижу, что вы умная женщина. И вы знаете, что я добьюсь того, что мне нужно, так или иначе. Давайте не будем всё усложнять.

Найрэ Нье'Келин скосила глаза на кинжал и произнесла тихо:

– Лекарь есть. И бьяха найдётся, а чья это стрела, я не знаю. Правда не знаю.

– Неправильный ответ, найрэ Нье'Келин. Если уж на то пошло, то я обойдусь и без лекаря, и без бьяхи, но вот хозяина стрелы вам выдать все-таки придётся.

Он не собирался её пытать или бить – такое было не в его правилах. Он сражается с мужчинами, а её достаточно припугнуть, и это самый короткий путь, чтобы получить желаемое. Викфорд по глазам видел – она и так всё расскажет. В этом замке её дети, слуги, хозяйство, а глупое упрямство найрэ Нье'Келин просто дань бессмысленной балеритской гордости. И как бывает в итоге – гордость всегда тащит за собой горы трупов. Но сейчас Викфорд был слишком зол и слишком напуган собственной слабостью и перспективой умереть прямо здесь, на грязной соломе, чтобы вести долгие переговоры. Поэтому он лишь поднёс лезвие кинжала к глазу хозяйки дома и спросил:

– Вы хорошо подумали над ответом, найрэ? Покушение на королевского агата – серьёзное преступление. За пособничество – костёр. Вы хотите, чтобы мы всё тут сожгли? Бирн! Тащи факел.

– Не надо факел! – раздался звонкий голос откуда-то со стороны тёмного провала лестницы. – Это моя стрела.

Викфорд обернулся и опустил кинжал. В сумерках на другой стороне зала стоял юноша – штаны, куртка, в руках шапка с пером. Лица было не разглядеть.

– А ты смелый, – криво усмехнулся Викфорд, – за это, пожалуй, смерть твоя будет быстрой. Иди сюда, если хочешь, чтобы найрэ Нье'Келин осталась жива.

Юноша вышел из темноты, и сначала Викфорд услышал, как кто-то из его псов тихо присвистнул. А следом шепоток:

– Так это девчонка! Командора ранила какая-то балеритская замухрышка!

Вошёл Бирн с факелом, и Викфорд, буквально выдернув его из рук, поднял вверх, чтобы разглядеть смелого стрелка.

«Балеритская замухрышка» шагнула в неровный круг света и, вскинув голову, посмотрела прямо в в лицо Викфорду.

«В глазах фрэйи отражается зелень всех лесов Балейры». Почему-то слова этой песни пришли ему на ум, когда он взглянул в её глаза. Не глаза – изумруды. Сомнений не было, перед ним стояла самая настоящая фрэйя. Очень, очень красивая фрэйя. И даже в мужской одежде, испачканной землёй и травой, даже с волосами, собранными сзади в простой хвост, и грязными руками, она была чудо как хороша. Светлая кожа, тёмные брови изогнуты дугами, а губы… Викфорд почему-то подумал, что целовать такие губы должно быть безумно приятно. И на вкус они как дикая малина. Должны быть такими. Розовые и, кажется, что чуть припухшие, словно от поцелуев, но не капризные, нет, скорее, своенравные, только кривятся в презрительной усмешке.

– Добро пожаловать в замок Кинвайл, отважные тавиррские воины – гроза женщин, детей и дворовых кур, – произнесла девушка, отвесив шутовской поклон шапкой. – Надеюсь, наш петух проявил к гостям должное уважение и сдался сразу, как только увидел ваши шпоры? А если он сильно докучал вам, милорд Адемар, то уж простите его невоспитанность. Он такой же дремучий, как и все балериты, да к тому же ещё и замухрышка. Но вы всегда можете сжечь его на костре за… пособничество.

Сзади раздались смешки его людей, довольно тихие, но Викфорд их услышал.

А вот её глаза не смеялись. Эти глаза, холодные, как изумруды, и такие же острые, как грани этого камня, а в них столько ненависти и злости, что эту ненависть Викфорд ощутил на коже ледяным ужом, совсем как в том лесу, когда она выстрелила в него. Сомнений не осталось – это она. Отравленная стрела принадлежала ей.

И Викфорду показалось, что этот взгляд, полный изумрудного льда ненависти, вошёл второй стрелой ему в самое сердце.

Ведьма! Настоящая ведьма!

А её слова, сказанные с такой издёвкой, прозвучали как пощёчина. Хлёсткая и громкая, и Викфорд никогда не чувствовал себя таким униженным, как в этот момент. И это был момент его слабости, а слабости в себе он не терпел. На него нахлынула злость, такая сильная, что даже лихорадка под её натиском будто отступила.

Он положил стрелу на стол и бросил коротко своим:

– Развяжите хозяйку. А вы, найрэ, тащите всё, что обещали: лекаря, бьяху и свечей побольше, а не то я найду, чем посветить в этом амбаре. Ну? Чего застыли, найрэ? Живо! Или хотите, чтобы мои ребята перевернули всё здесь в поисках выпивки? А мы пока побеседуем с вашей дерзкой лучницей. Садись!

Он повелительно указал девушке на стул, но она лишь пожала плечами и ответила насмешливо, без должного уважения:

– А если не буду, то что? Свяжешь меня и будешь угрожать кинжалом?

– Умереть захотела, пигалица? – спросил Викфорд, обходя её по кругу.

– Ты и так обещал вздёрнуть меня на воротах именем короля, – снова пожала она плечами.

– А тебе, как я вижу, жить совсем не хочется?

– А у меня выбор небогатый. Раз сам милорд Адемар обещал повесить меня на воротах, значит, так и так повесит, ведь я слышала, что его слово твёрже алмаза, – презрительно фыркнула девушка.

Викфорд снова услышал смешки и, не выдержав, рявкнул псам:

– Вон пошли! Я велел обыскать замок от чердака до подвала и выставить караулы, так какого гнуса вы всё ещё торчите здесь?!

Псы, бряцая оружием, удалились. Вернулась найрэ Нье'Келин со служанкой. Они взгромоздили на стол два канделябра и долго возились, разжигая свечи, пока Викфорд не рыкнул на женщин, чтобы они исчезли.

Когда все ушли, он подошёл к девушке, так близко, что между ними осталось расстояние не больше локтя, и, глядя ей в глаза, спросил:

– Чем ты намазала эту стрелу? Что это за яд? Если хочешь, чтобы я сохранил тебе жизнь – отвечай! – и он демонстративно воткнул кинжал в деревянную поверхность стола.

– Ты и сам знаешь, проклятый тавиррский пёс! – воскликнула девушка, и глаза её блеснули. – Это не яд, это вся ненависть и слёзы нашего народа застыли в тех рунах, которые ты видел на наконечнике стрелы. Они убьют твой Дар, и ты умрёшь. Ты уже умираешь, я вижу, – прошептала она и торжествующе улыбнулась. – И, может быть, я тоже потом умру, но тебя я точно заберу с собой!

– Так это не яд? – спросил Викфорд, прищурившись. – Значит, ты не мазала эту стрелу ядом?

– Нет, пёс. Не мазала. Для тебя не нужен яд. Предателей-айяарров убивают магией янтаря, – произнесла она, вздёрнув голову.

Викфорд вытер со лба капли пота тыльной стороной ладони и криво усмехнулся.

– Рано торжествуешь, пигалица. Если ты не мазала её никаким ядом, то она меня не убьёт, потому что во мне нет Дара, – он развёл руками, взял со стола стрелу и внезапно одним резким движением сломал её о колено и бросил в пустой камин. – Вот так бывает, когда твоё семейное проклятье внезапно становится твоим спасением. Жаль только, что ты испортила мой фамильный герб.

Он небрежным жестом поправил рукав с надорванной головой белого волка.

Викфорд видел, как раздуваются ноздри девушки, и глаза становятся ещё более зелёными и совсем уж ледяными, и подумал, что ему придётся запереть её до утра, чтобы не сбежала, а утром отправить с сопровождающими в Эоган. Последний королевский указ велел любую найденную фрэйю отправлять к наместнику для дальнейших действий. Что это за действия, Викфорд не знал, да и ему было всё равно.

Единственное, что его беспокоило – рана на плече. А что если эта пигалица соврала, и яд всё-таки был? Иначе почему всё тело у него горит, жжёт так, будто под кожей ползёт огненная лиана, прорастая в мышцы и сплетаясь с ними? Но спрашивать у неё было бесполезно.

– Если я не умру от твоей раны, если ты не соврала насчёт яда, завтра утром тебя проводят в Эоган. Скажи спасибо Его Величеству, что по новому указу тебя не отправят на костёр, – ответил Викфорд, снова вытирая лоб.

– Ах, спасибо! Спасибо Его Величеству! – девушка шутовским жестом отвесила поклон шапкой и добавила со вздохом: – Жаль только что Его Величеству служат такие недоумки! Нет, милорд Адемар, я не поеду завтра в Эоган. Уж простите, но меня ждёт будущий муж, и я должна ехать к нему в Кальвиль, а это совсем не по дороге в Эоган.

Она смотрела на него с какой-то презрительной издевательской усмешкой, и в этот момент он понял.

– Значит, ты…

– Ах, как долго милорд Адемар складывал два и два! – торжествующе рассмеялась она, но это был горький смех. – Его Величество могли бы прислать кого-то более сообразительного за своей невестой, хотя теперь понятно, почему ты был такой лёгкой мишенью в лесу. Одна тавиррская спесь и никакой сноровки! Что даже какая-то балеритская замухрышка смогла достать тебя с первого выстрела. И да, я забыла представиться – Эрика Нье'Лири, ну, если это о чём-то тебе говорит. Или и здесь мне придётся сложить для тебя два и два, милорд Адемар?

Глава 5. Обещание

Эрика не находила себе места с того момента, как выпустила ту стрелу. Чуть позже, когда бежала по лесу, всё думала о том, что зря она это сделала, что в гневе тавиррцы могут сжечь замок, убить тётю или её детей, они могут всё…

Но в тот момент ненависти в ней было столько, что, натягивая тетиву лука, Эрика совсем не владела собой. А вот потом брела домой с тяжёлым сердцем, не зная, что в итоге увидит там. И поклялась себе, что больше не будет такой безрассудной. Но в замок Эрика попала уже почти на закате, одновременно с тавиррским отрядом, и все её клятвы пошли прахом, едва она увидела, как эти захватчики себя ведут. Когда услышала, что они говорят. Как насмехаются над замком и людьми. А когда в окно увидела, как их командор пнул несчастного петуха, ненависть вспыхнула в ней с новой силой, как сухая листва.

– Жаль, что я не попала тебе в горло, проклятый пёс! – прошептала она, бессильно вжимаясь пальцами в каменную стену и глядя на незваных гостей с высоты второго этажа.

Она ненавидела короля, но для неё он был далёкой неизвестной фигурой, да и все тавиррские захватчики тоже были на одно лицо. До сегодняшнего дня. Сегодня всё изменилось. Если раньше её ненависть к врагам была похожа на грозовое облако, которое охватывало всю Тавирру и всех её жителей в равной мере, то сейчас она сосредоточилась на одном человеке, превратившись в острую стрелу. Её враг обрёл вполне конкретные очертания, и имя ему – Викфорд Адемар. Этот заносчивый самоуверенный тавиррский пёс, который смотрел на всё с презрением, который даже несчастного петуха пнул ногой так, словно ему противно было прикасаться ко всему здесь. И когда Эрика увидела, как он велел привязать тётю к стулу, в ней словно лопнула натянутая струна.

Она убьёт его. И пусть её отвезут в Кальвиль, пусть она станет женой короля, или пусть даже казнят… Но одну жертву на алтарь этой войны она всё-таки сможет положить. И этой жертвой будет род Адемаров, тех, кто виновен в гибели её семьи. А этот заносчивый пёс умрёт первым. Она видела, как он бледен, как вытирает со лба пот, а значит то, что сказал отец об этих стрелах – правда. Они убивают тех, в ком есть Дар. Вот и отлично!

Но пёс не умер. Эрика слышала, как к нему приводили лекаря. Тот шил его рану и всё удивлялся вслух, что можно было и не шить – края будто сами сошлись. Ночью командора лихорадило, он бредил и ругался на южном наречии. Эрика прокралась в темноте вниз и, спрятавшись в оконной нише на лестнице, прислушивалась к его брани и разговорам псов. И ничего хорошего их слова ей не сулили. Если их командор умрёт – они и её убьют. И не только её…

Весь следующий день Адемар тоже провалялся в полубреду, а его наёмники бродили по замку злые, вооружённые и мрачные, но пока никого не трогали. А на Эрику смотрели так, что она предпочла на глаза им не попадаться и молиться, чтобы раненый выжил.

Она бродила по замку как тень, строя планы мести и вслушиваясь в разговоры псов. А они шептались о том, что она ведьма и стрела была отравленной, и что её следует сжечь на костре. И что, если их командор умрёт, они так и сделают, потому что они люди вольные, воюют за золото, и королю на верность не присягали. А ещё они сожгут весь замок, всё это колдовское гнездо.

И последнее Эрику пугало больше всего. Так что, с одной стороны, она даже немного обрадовалась, когда на третий день проклятый тавиррский пёс пришёл в себя. И хотя он выглядел бледным, как Богиня Мара, что бродит по болотам в лунные туманные ночи, но при этом, в отличие от Мары, он был живым. Эрика наблюдала из окна, как он, пошатываясь, вышел во двор, стянул с себя рубаху здоровой рукой и окунул голову в колоду с водой. Вода в этой колоде была такой ледяной, что аж зубы сводило, ведь текла она прямо из-под холма, к которому одним боком прижимался замок. Но Викфорду Адемару на холод, похоже, было совсем наплевать. Обливаясь водой, он фыркал, как лошадь, и мылся по пояс, будто ни в чём не бывало, а Эрика, сидя на подоконнике верхнего этажа, с любопытством разглядывала его фигуру.

Он, казалось, был отлит из металла, весь перевит стальными жгутами мышц, обтянутых светлой кожей. На его теле виднелись несколько отчётливых шрамов, один из которых начинался от самого плеча и уходил вниз под рёбра. В тавирррском отряде были наёмники и покрупнее, и повыше, но, глядя на голое тело командора, похожее на искусный балеритский клинок для жертвоприношений, Эрика понимала, что из всех его псов Викфорд Адемар, пожалуй, самый смертоносный противник. Вот почему он увернулся от её стрелы. Он как хищник, и все его движения – движения зверя. Мягкие, плавные, но очень чёткие. А ещё красивые…

Но почему он не умер от её стрелы?

«Если ты не мазала эту стрелу никаким ядом, то она меня не убьёт, потому что во мне нет Дара. Вот так бывает, когда твоё семейное проклятье внезапно становится твоим спасением».

Она вспомнила эти слова.

У него нет Дара? Как же так? Он же Адемар, а они – айяаррский прайд, берущий силу из живого источника. У них у всех есть Дар. И они служат королю. Но… с другой стороны, если у него нет Дара, это даже лучше. Убить его будет несложно и обычной стрелой. Или кинжалом… Или ядом…

Он обернулся и посмотрел прямо на Эрику, вырвав её из созерцания рельефов его красивого тела и мыслей о способах убийства этого самого тела. Будто спиной почувствовал её взгляд, будто мысли её прочитал и, зачесав мокрые волосы здоровой рукой, самодовольно усмехнулся. По его груди стекали струи воды, и Эрика невольно залюбовалась. Она ведь охотница и не могла не оценить красоту этого хищника, пусть даже и смертельного врага. Но это было лишь мгновенье, а потом, увидев его ухмылку, она отпрянула от окна.

Вот же пёс!

Ей казалось, что ненависть её растёт с каждым мгновеньем, но, как ни странно, и желание не спускать глаз со своего врага тоже.

После этого в замке всё сразу завертелось. Адемар как-то убедил тётю Бригитту выделить ему свою комнату, наверное, снова с помощью кинжала и угроз, и расположился там с барристером. А ещё потребовал, чтобы ему принесли лохань и горячую воду. И Эрика фыркала, слушая, как служанки на кухне греют воду, таскают её наверх и смеются:

– Тоже мне, принц нашёлся!

– Бережёт нежную кожу!

– Ах, его милость желают горячей воды…

– …и розового мыла…

– …и пуховых простыней…

– …и спинку потереть…

– …а я бы потёрла такую спинку!

– …да ты бы и не только спинку потёрла!

– …ну и дура!

Эрика даже разозлилась.

Вот же глупые курицы!

А когда Викфорд закончил с купанием, за Эрикой тут же прислали служанку, которой велено было передать, что милорд Адемар ожидает её на аудиенцию.

– Ах, на аудиенцию! Он, может, и королём себя уже вообразил? – фыркнула она, но, тем не менее, пошла.

* * *

В комнате пахло мылом и хвойной водой. Милорд Адемар уже переоделся и выглядел лучше, чем в прошлый раз, когда они разговаривали в холле о её стреле. Он натянул свежую рубашку и камзол, а раненая рука покоилась на широкой перевязи. И сейчас он был больше похож не на кондотьера, а, скорее, на вельможу, сопровождающего самого короля. Но мокрые волосы всё ещё напоминали Эрике о той картине, что она наблюдала утром у колоды с водой. Взгляд невольно скользнул по обнажённой шее и задержался на распахнутом вороте его рубахи, но тут же упёрся в фамильный брактет – серебряного волка в лунном круге. И Эрику снова накрыло волной ненависти.

– Милорд желал аудиенции? – произнесла она насмешливо и спрятала руки за спиной, остановившись посреди комнаты.

Викфорд окинул её каким-то странным взглядом, словно до сих пор ещё не верил, что она и есть та самая наследница Янтарного трона и невеста короля. А Эрика и не старалась произвести впечатление, потому так и пришла – в тех самых штанах, рубашке и куртке, в которых ходила на охоту, и даже специально не стала оттирать следы мха и грязи. Замухрышка так замухрышка. Он же вроде

целовать её собирался, ну так и пусть. Надо было и щёки сажей намазать.

И мысль о том, чтобы взять на помолвку с собой горсть навоза, ненароком пришла ей в голову, но потом она отбросила это ребячество и решила, что спесивого милорда должен ожидать более болезненный сюрприз.

Но его взгляд, в котором проскользнуло что-то похожее на презрительную жалость, задел её так сильно, что захотелось снова ощутить в руках лук и стрелу и услышать тихий звон тетивы.

– Найрэ Нье'Лири, – Викфорд сдержанно поклонился, – я хотел бы принести извинения за наше… не совсем удачное знакомство. Это было неожиданно – встретить вас… при таких обстоятельствах, и я был не вполне здоров…

Она не дала ему договорить.

– Вы так боитесь теперь лишиться головы за то, что назвали «балеритской замухрышкой» невесту самого короля? Да вы трус, милорд Адемар, вот уж не подумала бы! – прервала его Эрика и криво усмехнулась. – А ваша отвага и бесстрашие оказались сильно преувеличены. Равно как и везение в бою. Как плечо? Больше не болит? Жаль!

– Я не знал кто вы, – вежливо ответил Викфорд, пропустив мимо ушей её сарказм, но Эрика видела, как напряглись у него скулы и глаза потемнели, – и я мало знаком с этой местностью и людьми, чтобы сразу понять, кто передо мной.

– А если бы я оказалась обычной «балеритской замухрышкой», вы и правда вздёрнули бы меня на воротах, как кричали на весь лес? – спросила Эрика, проигнорировав его извинения. – Или отправили бы на костёр? Впрочем, можете не отвечать. От того, кто метил кинжалом в глаз беззащитной женщины, ожидать чего-то иного, думаю, не стоит.

– Кхм, – Викфорд кашлянул в кулак и опёрся пальцами о поверхность стола. – Вы же понимаете, что ваш наряд и… вообще… всё остальное… ввели меня в заблуждение? Может быть, нам стоит забыть это досадное недоразумение…

– Недоразумение? Вы так выкручиваетесь теперь, как жалкий подлый трус! Как болотный уж! Жаль, вы не сдохли в том лесу, милорд Адемар, но надеюсь, что не всё ещё потеряно…

Его глаза превратились в чёрные угли, он обогнул стол, выйдя ей навстречу, и остановился в двух шагах. Заложил здоровую руку за спину, повторив её позу, и произнёс уже без всякой почтительности в голосе:

– По-хорошему, значит, у нас не получится? – он прищурился. – Не думал, что у наследницы Янтарного трона спеси окажется больше, чем благоразумия. А судя по наряду, ещё и беда с манерами и вкусом. Может быть, мои люди были не слишком далеки от правды, назвав тебя «замухрышкой»? И мне жаль Его Величество, у которого наряду с «недоумками» в моём лице появится ещё и спесивая жена-замухрышка из какой-то дыры на краю мира!

Она влепила ему пощёчину с такой силой, что мокрые волосы милорда Адемара упали ему на лицо, а голова мотнулась так, что казалось, сейчас оторвётся. И на нижней губе выступила капелька крови.

Эрика не собиралась этого делать, но ярость снова победила доводы рассудка. А следом накатила волна паники, потому что милорд Адемар медленно зачесал волосы пятернёй и, прищурившись, взглянул на Эрику. В его глазах была настоящая бездна, чёрная и жгучая, не обещающая никакой пощады. И пятно от её пощёчины отпечаталось на лице тавиррца алым клеймом.

Он медленно стёр ладонью кровь, посмотрел на неё и произнёс негромко:

– Лекарь уже прибыл. Если он подтвердит то, что вы невинны, а ваш дядя соизволит явиться в назначенный срок и предоставит необходимые гарантии, то сегодня вечером состоится обряд, – Викфорд говорил холодно, с презрительной усмешкой, – так что приведите себя в порядок, найрэ Нье'Лири, и будьте готовы. Надеюсь, у вас найдётся пара вёдер горячей воды, какое-нибудь приличное платье и служанка, умеющая держать в руках гребень? Не хотелось бы целовать перед всеми это чумазое лицо. А завтра утром мы отправимся в путь. У нас длинная и опасная дорога, так что медлить не станем. Собственно, за этим я вас и звал. Всё ли вам понятно в моих словах, найрэ Нье'Лири?

Последнюю фразу он произнёс с явной издёвкой.

Большего унижения Эрике в своей жизни испытывать не приходилось.

Страх – да. Когда горели дома, когда тавиррцы под штандартом с головой белого волка поджигали их и гнали жителей по улицам. Голод – да. Когда шла с обозом беженцев через всю Балейру. Холод – когда ноги вязли в болоте. Ненависть… Ярость… Сожаление… Печаль… А вот унижение – нет.

Ей – наследнице Янтарного трона, той, что когда-то спала на лебяжьем пуху, носила тончайшие батистовые сорочки и шёлковые платья с серебряным кружевом. Той, что знала три языка и сотни эпосов Балейры… Перед которой склонялись все главы кланов… С которой должны говорить деревья… Ей предстоит всё это…

Её осмотрит лекарь как какую-то овцу, а этот спесивый тавиррский пёс поцелует при всех так, чтобы «она вся сомлела», а потом потискает прилюдно за грудь и после повезёт в чужую страну, чтобы толстый король, убивший её семью, сделал с ней то, о чём говорил дядя Тревор.

И осознание предстоящего унижения прокатилось в её душе огненной волной, заставив задохнуться от ярости.

– Только попробуй меня поцеловать, трусливый тавиррский пёс, – произнесла она хрипло, – будешь помнить мой поцелуй до конца своих дней! А он уже не за горами!

Какое-то мгновенье они смотрели друг на друга, прожигая взглядами, и Эрике показалось, что даже кожа у неё пылает, будто прямо под ней, лепесток за лепестком, распускаются огненные цветы, и такого она ещё никогда не испытывала.

– Конечно, я тебя поцелую, пигалица, – усмехнулся Викфорд, явно довольный тем, что её так задели его слова, – это часть обряда и твоих обязанностей. И если ты от них откажешься, то не станешь невестой короля, а поедешь в Эоган, как я тебе и обещал.

И она бы ударила его снова, если бы во дворе не раздались топот копыт и крики.

Глава 6. Турнир

Викфорд выглянул из окна и тут же потянулся за мечом. Он не ожидал никаких званых гостей, а незваные могли пожаловать только с дурными намерениями. И, как назло, он только что отправил часть своих людей в Адерин с поручением. Кто-то был в карауле, кто-то спал, но, разглядев отряд, въехавший во двор, Викфорд тревогу поднимать не стал.

Впереди кавалькады на кауром жеребце восседал полноватый юноша, разряженный в атлас, парчу и кружева. Его камзол, расшитый позументами, и светлые туфли с пряжками даже издалека кричали о том, что это либо купец, либо сын купца – уж слишком много дорогого и несуразного было на нём надето за раз. Вместе с ним приехали ещё несколько человек – мужчины и женщины, такие же нарядные и весёлые, а заканчивали процессию карета и повозка, украшенные лентами и венками из гроздьев рябины и бузины. Два музыканта наигрывали что-то на дзуне и дудке и Викфорд обернулся. Хотел спросить у Эрики, что это за шут со свитой и по какому поводу праздник, но найрэ Нье'Лири в комнате уже не оказалось.

Он поставил меч и вернулся к столу. Корин Блайт разберётся с гостями. А ему сейчас лучше остаться здесь и успокоиться, пока он кого-нибудь не убил ненароком. Найрэ Нье'Лири разбудила в нём зверя. Он даже подумать не мог, что его так заденут слова какой-то балеритской девчонки, пусть даже и невесты короля. Заденут настолько, что он, наплевав на возможные последствия, наговорит ей такого, чего никогда, даже в страшном сне, не сказал бы ни одной знатной даме. А это ведь не просто знатная дама, это будущая королева. И нажить такого врага на пустом месте… надо быть дураком из дураков.

Но эта девушка ещё той стрелу в лесу пробудила в нём что-то дурное и дикое, чему объяснения он не находил. Он едва не умер прошлой ночью, бредил и видел очень странные сны. Ему казалось, что сквозь его тело прорастают невидимые ветви, что руки превращаются в лапы зверя и наливаются небывалой силой. Что он в лесу, и лес наполнен запахами, звуками, шорохами, а он видит в темноте, и слышит, и чувствует. А когда очнулся, ощутил такую дикую слабость, что почти возненавидел себя. Никогда ещё с того самого дня как его выставили из родного дома, отдав командору Бастиану на воспитание, он не бывал болен или слаб. Даже ранения Викфорд всегда переносил стоически, и не помнил,

чтобы ему приходилось подолгу валяться в кровати. И не было во всей Тавирре того, кто посмел бы бросить ему в лицо обвинения в трусости, предательстве или в том, что он смел только с женщинами и дворовыми курами. И уж точно ни одна дама никогда его так не оскорбляла.

Дамы вздыхали по нему, дамы жаждали от него знаков внимания, с трепетом принимали его ухаживания, были вежливы и милы. И по окончании этого похода его ожидала леди Мелисандра – первая красавица Кальвиля, руку которой в придачу с хорошим куском земли и фамильным замком пообещал её отец. Такой выгодный брак устроил герцог Сенегард – родной брат короля и покровитель Викфорда, а взамен нужно лишь было выполнить одно опасное поручение – привезти Раймунду балеритскую невесту.

Викфорд служил герцогу уже третий год – охранял южные границы, его земли и рудники от нападений верров, и в войне с Балейрой участия не принимал. И поэтому такому странному поручению сильно удивился. С какой бы стати герцогу Сенегарду уступать своего лучшего кондотьера королю, да ещё тогда, когда на юге так неспокойно? Нельзя сказать, чтобы король с братом были большими друзьями, скорее, соперниками, и поговаривали даже, что и нападения верров были организованы с подачи короля, чтобы досадить брату. Именно поэтому герцог содержал целую армию хорошо обученных наёмников, так, на всякий случай, ведь жизнь того, кто стоит следующим в очереди на престол, всегда находится под угрозой. И Викфорд был лучшим его командором. Так что это снезапное путешествие в Балейру вызывало много вопросов.

Но, как позже выяснил Викфорд, на дне рождения королевы-матери братья крупно поспорили. Раймунд высмеял кондотьеров брата, а герцог – вояк короля. Итогом спора и стал этот опасный поход. Герцог отправил Викфорда с небольшим отрядом – доказать, что Его Величество был неправ. Ставкой в этом споре стал замок на границе владений герцога, который Сенегард давно желал получить. И Викфорд, стоя в парадном зале перед венценосными братьями, поклялся своим мечом, что привезёт невесту королю к следующей полной луне. Что невеста будет жива, невредима и обвешана лучшим балеритским янтарём.

Кто тянул его за язык приукрасить своё обещание?

Он понимал, что это путешествие действительно может стоить ему жизни, ведь в своём соперничестве Раймунд и Сенегард могут пойти на всё что угодно. И с короля станется организовать засаду и подослать невидимых убийц, лишь бы

выиграть этот спор.

Но, зная о вероломности Раймунда, все приготовления к походу Викфорд вёл тайно, и никто не знал их маршрут. Да и, кроме людей короля, способных воткнуть нож в спину, есть ещё и балериты, а уж они, несмотря на перемирие, с удовольствием перережут ему горло в первой же попавшейся роще.

Викфорду все говорили, что из этого похода живым он вряд ли вернётся, и соглашаться на это было подлинным безумием. Но кто он такой, чтобы отказывать особам королевской крови? Он дал слово, и нарушить его нельзя.

И кто бы мог подумать, что его главной проблемой окажется именно невеста короля – дерзкая спесивая девчонка с луком наперевес? Которая едва его не убьёт, унизит при его же людях, а потом ещё и обвинит в трусости!

Он ожидал грустную деву в янтарных серьгах, замотанную в шёлковое покрывало и сидящую у окна в ожидании королевского агата. Он даже гонца послал в Эоган за каретой, чтобы везти её с должным почтением и комфортом, а теперь вот подумывал о том, что и карета им никакая не нужна: для такой «невесты» сгодится и мул.

А её неприкрытая ненависть вообще стала для него откровением. Он не участвовал в войне с Балейрой. Герцогство Сенегарда далеко на юго-востоке у самого пролива Арф, и оно в этой войне нейтрально. Конечно, по дороге сюда, хоть они и ехали удалённым от мест сражений маршрутом, Викфорд видел и сожжённые деревни, и могилы, и разрушенные замки. Но это война, и, как и любая война, она выглядит именно так. Не он её начал, и не ему за неё отвечать. И он хотел разрешить недоразумение мирно, вот только его объяснений найрэ Нье'Лири слушать не собиралась. А он был так зол, что передумал объясняться. И сейчас попросту не знал, что делать. Его попытку извиниться балеритка отбросила как тряпку, а потом ударила его по лицу, и первое, что пришло ему в голову, это унизить её в ответ…

Да теперь уже поздно сожалеть!

Всё это было для него впервые. Впервые знатная дама не пыталась соблюдать правила приличия, не пыталась с ним флиртовать или хотя бы сделать вид, что вежливо с ним соглашается. Впервые знатная дама отвесила ему пощёчину. И

будь она мужчиной…

Но она не мужчина…

Проклятье!

Почему вдруг это стало проблемой? Он просто сгорал от желания поставить на место эту балеритскую пигалицу, хотя и понимал, что это блажь, и тягаться с девчонкой – редкая глупость, но ноздри будто почуяли грозу и трепетали от желания взять реванш.

Викфорд плеснул себе бьяхи в стакан и выпил, пытаясь разогнать проклятую слабость и утихомирить бушующую злость. И всё никак не мог понять, почему его так задели слова этой зеленоглазой ведьмы. Под кожей всё ещё вились тонкие ростки боли, пульсируя сильнее, когда он говорил с Эрикой, но теперь они уже затухали, и что бы это ни было – яд или колдовство – на этот раз он, кажется, смог их победить.

Где шляется этот клятый Тревор Нье'Лири? Нужно подписать бумаги и убираться отсюда быстро, пока эта процессия шутов не растрезвонила по всей округе, кто они и что здесь делают. Надо было убраться ещё вчера, а всё проклятая стрела!

Он услышал перепалку со стороны двора и снова выглянул в окно. Один из его наёмников стоял, обнажив меч, а напротив него уже выстроились в позицию купец и, видимо, его друзья, все как один разряженные в парчу и атлас.

– Какого гнуса? – пробормотал Викфорд, стянул камзол и, взяв меч здоровой рукой, пошёл вниз.

Не хватало ещё, чтобы его люди прирезали здесь этого купчишку! Им совсем без надобности лишние неприятности.

Викфорд вышел во двор и сразу же услышал дрожащий от ярости голос незваного гостя:

– …вы не смеете так говорить со мной! – купец стоял красный и злой, угрожая мечом Корину Блайту. – Эрика?! Скажи, что это неправда?!

Найрэ Нье'Лири стояла здесь же, её лицо было растерянным, и по нему разливался яркий румянец. Она пыталась утихомирить мужчин, готовых вот-вот сойтись в схватке, но безуспешно. Викфорд окинул взглядом позицию. Его людей трое, он четвёртый. Вполне достаточно, чтобы уложить этого петуха со всем его выводком.

– Это что ещё за дерзкий щенок? – спросил он, подходя к Корину.

– Кхм, – кашлянул Корин Блайт и произнёс с усмешкой, – дык, это как бы жених.

– Жени-и-х? Что, самый настоящий жених? – усмехнулся Викфорд в ответ. – И чей жених?

– Дык, как бы… найрэ Нье'Лири.

Наёмники засмеялись.

– Хм, – усмехнулся Викфорд и посмотрел на Эрику. Теперь ему стал понятен румянец на её щеках и растерянность, и он не удержался от сраказма. – Ай-да невеста, при двух женихах, оказывается!

Ситуация выглядела забавной, но Эрика одарила его таким презрительным взглядом, что на Викфорда снова накатила злость.

Наследница Янтарного трона собиралась выйти замуж за это пухлое ничтожество в парчовом камзоле? А на него смотрит так, будто он отрывает младенца от материнской груди!

Он даже не понял, почему это так его разозлило. Словно купец вдруг покусился на что-то, что уже принадлежало ему. А Эрика смотрела на Викфорда, и презрение в её взгляде превращалось в неприкрытую ненависть.

– Ты кто такой? – спросил Викфорд, резко перестав улыбаться.

– Я – Ивар Йорайт, купец из Дхавэна, а это, – он указал пальцем на Эрику, – моя невеста! А вы кто такие, господа? И по какому праву вообще здесь находитесь?

– А я – Викфорд Адемар, кондотьер из Тавирры, агат Его Величества, и нахожусь здесь именем короля и по его поручению, – спокойно произнёс Викфорд и сдержанно поклонился. – И эта юная леди теперь невеста другого человека, с которой я от его имени буду сегодня помолвлен. И если она была вашей невестой, то ваша помолвка считайте, что уже расторгнута по её желанию. Ещё вопросы будут? Или вы свалите отсюда подобру-поздорову?

Его голос из вежливо-церемонного вмиг стал дерзким и злым.

– Что значит «по её желанию»? – воскликнул Ивар Йорайт.

– Ивар! Не надо… Я всё объясню! – воскликнула Эрика, выставляя руку вперёд.

Она попыталась встать между ними, но, видимо, предательство невесты так сильно задело гордость несчастного сына купца, а, может, не предательство, а слова Викфорда, но он покраснел, дёрнул шейный платок, едва его не разодрав, и направил на соперника меч.

– Нет уж! Тогда поединок за руку невесты! По законам Балейры кто победит, тому она и достанется! – крикнул Ивар в гневе, и его друзья, те, что должны были сражаться с ним на этом поединке и в итоге ему проиграть, стали сейчас за спиной Ивара, обнажив мечи.

Кто-то из гостей попытался удержать оскорблённого жениха от поединка, но это было бесполезно.

– Ивар! Не надо! Пожалуйста! – это Эрика уже крикнула, понимая, видимо, чем всё это закончится.

Во дворе собрались жители замка, все шептались, и нарядные гости, которые приехали с Иваром, смотрели на Эрику осуждающе. Такое внезапное предательство невесты стало для всех откровением. Даже слуги, которые снимали сундуки с задника кареты, бросили свою поклажу и остановились наблюдать за исходом поединка.

Викфорд вытащил правую руку из перевязи, а меч перехватил поудобнее левой. С этим мальчишкой он справится и левой рукой.

– Ивар! – крикнула внезапно Эрика. – Милорд Адемар ранен, он не может с тобой драться! Прекрати!

– Я буду драться с любым, кто выйдет от его имени! – воскликнул Ивар.

Корин Блайт достал меч, шагнул вперёд и буркнул:

– Я могу.

– Ивар! Остановись! Они же убьют тебя! – Эрика бросилась между ними, пытаясь образумить разгневанных мужчин.

Но Викфорд мечом остановил Корина.

– Ну что вы, найрэ Нье'Лири, не стоит унижаться. Рана-то у меня пустяковая. И во славу вашего настоящего жениха я отделаю этого щенка и левой рукой! – произнёс он, шагнул вперёд и направил меч на Ивара. – Корин, уведи госпожу – как бы она не пострадала.

– Стойте! Милорд Адемар! Прошу вас, не делайте этого! – воскликнула Эрика, бросаясь теперь к нему навстречу и приставляя ладонь к острию его меча.

И Викфорд невольно залюбовался её зелёными глазами.

В этот момент в них было столько огня и столько страсти, что у него дух захватило. Её щёки пылали румянцем, и она так бесстрашно выставила ладонь, что кончик меча, коснувшись, оцарапал её до крови. И под кожей у Викфорда будто ожил огненный рой, жгучие иглы вонзились в вены, расплавляясь и растворяясь в крови, потекли куда-то к сердцу, рождая в теле странную лихорадку.

Что она так за него печётся? Любит это пухлого купца? Да неужели?!

Они смотрели друг на друга, прожигая взглядами, пока Викфорд не спросил с усмешкой:

– Не делать чего, найрэ Нье'Лири?

– Не убивайте его! – произнесла Эрика горячо, и капля крови стекла по её ладони на запястье.

– Спасибо за комплимент моему умению владеть мечом, найрэ Нье'Лири. Вы что же, совсем ни во что не ставите вашего… бывшего жениха, раз считаете, что я – раненый – легко убью его левой рукой? – он прищурился.

Её ноздри раздувались, и без всяких слов Викфорд понял ответ. Она всерьёз считает, что он станет ради забавы убивать этого «парчового мальчика», лишь бы ей досадить.

И захотелось досадить. Внезапно захотелось услышать её мольбу ещё раз, но теперь уже по-настоящему. Он видел: сейчас она уверена, что если она попросит – он её послушает.

А он не послушает.

– Вы подонок, милорд Адемар! – это она выплюнула почти шёпотом.

– Корин! Убери госпожу. Щенок хочет умереть, ну так в чём же дело!

Но Ивар первым напал на соперника со всей силой кипевшей в нём злости. Раздался звон мечей, и по первым трём выпадам стало понятно, что даже левой рукой Викфорд Адемар мог бы убить Ивара с одной попытки.

А Корин шагнул вперёд и загородил Эрику своим массивным телом, не давая ей вмешаться в поединок.

Глава 7. «Тебе понравится…»

Викфорд гонял Ивара по усыпанной соломой брусчатке двора, дразня и выматывая, превращая их противостояние в простой фарс. Ивар нападал яростно, отчаянно и зло, но вскоре выбился из сил и запыхался, а его противник, казалось, работал только запястьем, не сходя с места, и лишь поворачивался,

отражая удары. На лицах наёмников застыла насмешка – они знали, чем закончится этот бой. И Эрика тоже знала.

Ей было так стыдно перед Иваром. Она ведь совсем забыла о нём, погружённая в свою ненависть и страдания, и о том, что завтра день прощания с летом – большой праздник Эльвед, и что именно на завтра они договаривались с женихом… теперь уже с бывшим женихом, что будет проведён традиционный турнир.

Дядя велел никому не говорить о предстоящей свадьбе с королём Раймундом. И они с Бригиттой молчали, а ведь следовало на днях послать Ивару весть о том, что помолвка расторгнута, а вот теперь…

А теперь все узнали! Теперь её будут презирать. Ненавидеть. А Ивар…

Триединая мать! Что он подумает о ней?

Она пыталась объяснить, пыталась остановить этот бессмысленный поединок, но разве можно остановить двух разъярённых мужчин, один из которых хочет убить, а второй, видимо, быть убитым!

Когда противник совсем выбился из сил, Викфорд оттеснил его к колоде с водой и, сделав обманный выпад, подсёк ногой, опрокинул Ивара спиной в грязь и приставил к его горлу кончик меча.

– Лежи и не дёргайся, если хочешь жить, – произнёс он тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Гости ахнули, зарыдала какая-то женщина из свиты Йорайтов, и все вокруг замерли, понимая, что всё стало слишком серьёзно, а Викфорд поднял голову и, посмотрев на Эрику, спросил:

– Что решите, госпожа, заслужил ли я право на вашу руку?

Он смотрел со своей обычной ухмылкой и торжеством на лице, и понятно было, что эта публичная порка несчастного Ивара всего лишь ещё один способ унизить Эрику. А она молчала – язык не поворачивался ответить. Её горло сковала

ненависть и, кажется, даже клещами из него нельзя было выдрать ни единого слова. Она лишь сухо кивнула, но проклятому тавиррскому псу этого было мало.

– Что вы сказали, найрэ Нье'Лири? Я не расслышал. Так я не заслужил? – переспросил он с усмешкой и демонстративно повернул меч над горлом бедняги Ивара так, что тот впился пальцами в мокрые камни. – Мне что, нужно его убить, чтобы по законам Балейры вы ответили мне «да»?

Кто-то в толпе гостей застонал и, кажется, упал без чувств, а старый купец Йорайт взмолился, падая на колени, и тогда Эрика будто очнулась. Смотрела в чёрные глаза Викфорда Адемара, видела, как капли пота стекают у него по вискам и понимала – если она будет упираться, он ведь пойдёт до конца и перережет Ивару горло! Просто ей назло.

– Заслужили, – пробормотала она хрипло, усилием воли выдирая из себя это слово.

– Не могли бы вы подойти, найрэ Нье'Лири? – спросил Викфорд, даже не пошевелившись.

Она подошла и остановилась в двух шагах.

– Так что мне с ним сделать, моя госпожа? Пощадить? – спросил он с притворным смирением.

– Да. Отпустите его.

– Вы просите меня об этом? – усмехнулся он.

– Да, прошу. Пощадите его, – тихо ответила Эрика, глядя на измазанного в грязи Ивара и сгорая со стыда.

– Хорошо. Я отпущу его, – так же тихо ответил ей Викфорд и прищурился. – Но только при одном условии.

– При каком ещё условии? – внутри всё неприятно похолодело.

– Подойдите ближе.

Эрика сделала ещё шаг, не зная, чего ожидать.

– Да не бойтесь. Ближе. Я вас не съем. Я просто не хочу, чтобы это слышал ваш неудавшийся жених и вся его родня, – ещё тише сказал Викфорд. – Так вы готовы спасти ему жизнь?

Эрика сделала ещё шаг, глядя прямо в черноту ненавистных глаз. А милорд Адемар, не выпуская меча из рук, чуть склонился к её уху и прошептал:

– Хочешь, чтобы он остался жив – сделай то, что я тебя прошу. Сегодня на помолвке я тебя поцелую, Эрика Нье'Лири. И ты ответишь на мой поцелуй так, будто это твой муж вернулся после долгой разлуки – по-настоящему, с чувством. Надеюсь, целуешься ты так же искусно, как и стреляешь из лука?

Его голос был чуть хрипловатым, а дыхание горячим, и Эрику бросило в жар. От смысла этих слов, от того, что он говорил их при всех, и от того, что никто не слышал, что именно он говорит. А ещё от того, что ненависть к нему в этот момент достигла своего пика, и если бы не Ивар, лежащий в грязи, которому любое неосторожное движение грозило смертью, она бы снова ударила Викфорда по лицу. А если бы у неё был с собой кинжал, то и убила бы.

– Согласна? Решай скорее, а то я не совсем здоров – могу и не удержать меч…

Его волосы коснулись её щеки, Эрика отпрянула и несколько мгновений смотрела на него, пытаясь совладать с той бурей чувств, что бушевала внутри. Сжимала пальцы, но руки дрожали, и даже губы дрожали, а лицо заливала краска стыда и ярости, потому что он снова её унизил. Не только унизил, казалось, это не Ивара, а её он только что вывалял в грязи и втянул в какой-то постыдный договор.

– Так ты согласна? – произнёс Викфорд, не сводя с неё глаз.

И смотрела он так, что Эрика понимала – он убьёт Ивара, если она откажет. «Всё или ничего», – читалось в его глазах. Она закусила губу, вскинула голову и спросила, скорее, из духа противоречия:

– А если обману?

Но Викфорд даже прищурился, глядя на Эрику, словно этот вопрос вызвал у него невольное восхищение, снова наклонился, только теперь ещё ближе, и прошептал ещё жарче:

– А если обманешь, то я найду потом этого неудачника и дам ему попробовать настоящего клинка. И не смотри на меня волком, пигалица, я умею целовать женщин. Тебе понравится.

Он резко отстранился и одним точным движением кисти отвёл меч. И ушёл, не оборачиваясь, лишь бросив на ходу Корину Блайту:

– Вышвырните этого недоумка. И заприте ворота.

* * *

Эрика лежала в лохани с горячей водой, а тётя расчёсывала её только что вымытые волосы.

– Не хочу я это платье надевать! К чему всё это? К чему мне рядится перед этим псом!

– Пропадать, что ли, платью? – спокойно ответила Бригитта. – Ты молода, радуйся, что в такое лихое время есть повод пройтись в красивом наряде. Много ли у тебя в жизни радости…

– Радости?! Ненавижу…

– Ну что ты так расстраиваешься, – утешала её тётя, – не такая ведь плохая участь. Станешь королевой, жизнь сытая, война закончится, хоть и враги они, но это жизнь – надо приспосабливаться… Для нас – женщин, плохой мир лучше доброй войны…

– Ненавижу его! Ненавижу! – шептала Эрика, с тоской глядя на свадебное платье, разложенное на кровати, и думая о том, что ей предстоит на помолвке.

Кто бы подумал, что это платье пригодится ей вот так!

«Надеюсь, у вас найдётся пара вёдер горячей воды, какое-нибудь приличное платье и служанка, умеющая держать в руках гребень? Не хотелось бы целовать перед всеми это чумазое лицо».

Да чтоб тебя медведь задрал!

Ей не хотелось лезть в эту душистую воду и втирать в волосы репейное масло, чтобы они стали мягкими и шелковистыми. Ей хотелось назло измазаться грязью, навозом и золой, и съесть чеснока с козьим сыром – пусть целует замухрышку! Пусть его стошнит при всех! Пусть проиграет свои пятьдесят золотых!

Её гордость была ранена. Она чувствовала себя коровой, которую ведут на рынок, обмотав рога верёвкой. Которую продадут, потому что она даёт молоко. Ей было обидно за себя, за несчастного Ивара, которого грязным и униженным вышвырнули за ворота, за то, что теперь половина страны будет ненавидеть её, как предательницу своего народа, а она будет целовать того, кто отдал приказ убить её родных…

– Ну, девочка моя, ненависть утихнет, может, он и не так плох окажется, да и он король, занят будет всё время, так что у тебя…

– Да я не про короля! – отмахнулась Эрика. – Я про этого спесивого пса! Я убить его хочу, тётя! Верите ли, не могу с собой совладать! Только об этом и думаю!

– Да что ты! Успокойся! Храни тебя Триединая Мать от убийства! Дался он тебе! Доедете до Кальвиля, и забудешь о нём. Кто он такой? Просто пёс. А ты будешь королевой. По взмаху руки головы будешь рубить, казнишь его потом – если захочешь, – пошутила Бригитта – Не думай о нём сейчас, у тебя есть заботы поважнее.

Но не думать не получалось. Чем ниже опускалось солнце, чем ближе было время помолвки, тем сильнее обуревали Эрику ярость и страх. И если с яростью всё было понятно, то вот страх пришёл внезапно. И в нём всё смешалось. И то, что будет на помолвке, и обряд, который совершит старая Фло, открыв её Триединой Матери, и то, что сказал дядя Тревор, и путешествие, которое ей

предстоит с дюжиной вооружённых мужчин через всю истерзанную войной страну. И чужая далёкая Тавирра…

И Викфорд Адемар.

Это предстоящее путешествие в его обществе пугало её всё больше. Что можно ожидать от этого пса без чести и совести? Который ради пятидесяти золотых готов был пустить кровь несчастному Ивару, только бы вырвать у неё согласие на этот поцелуй! Ей было так стыдно перед Иваром, и ненависть к Викфорду за его унижение жгла её, как калёным железом.

Когда на неё натянули платье и туфли, когда уложили волосы и надели на шею янтарное ожерелье, которое привёз дядя Тревор, Эрика выставила всех из комнаты. Смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Она сильно изменилась за то время, что прошло с её шестнадцатилетия, стала взрослее, и в свадебном платье это было как-то особенно заметно. Эрика так давно не надевала платьев, так давно не укладывала волосы, что и забыла, как это – выглядеть просто девушкой. А ещё принцессой.

И сразу вспомнился родной дом, те времена, когда ещё не было войны, когда были живы отец и мама, и у неё была целая комната шёлковых платьев… и острый приступ жалости к себе и тоска по счастливым дням скрутили её почти пополам, она уронила голову на руки и разрыдалась. Но плакала совсем недолго. Слёзы иссякли сами собой. Потому что все свои слёзы она уже выплакала раньше. А теперь…

Она достала стилет, тонкий и узкий, с особой ручкой, сделанной специально для того, чтобы прятать его в рукаве. Чтобы в нужный момент он выскользнул в ладонь и лёг в руке твёрдо.

«А ты будешь королевой. По взмаху руки головы будешь рубить…»

Пусть так и будет. И Викфорд Адемар будет первой головой на её пути. Кто он? Всего лишь пёс, который захотел жарких поцелуев от невесты короля. Вряд ли кто будет о нём сожалеть.

«На что спорим, Корин? Пятьдесят золотых?»

«Надеюсь, целуешься ты так же искусно, как и стреляешь из лука?»

«И не смотри на меня волком, пигалица, я умею целовать женщин. Тебе понравится»

– Тебе тоже понравится, пёс! – прошептала Эрика своему отражению, спрятала нож в рукав и застегнула жемчужную пуговку.

Глава 8. Обряд

В дверь постучали трижды, и, не дожидаясь разрешения, вошёл дядя Тревор, вернее, сначала показалась рыжая борода, предваряя его появление, будто мажордом, а уже потом и он сам.

– Ну что, готова, племянница?

Лицо у Тревора было красным и, судя по запаху, дядя уже хорошенько приложился к бьяхе. Он окинул внимательным взглядом Эрику, крякнул в кулак и добавил:

– А ты хороша! Настоящая принцесса. То-то, я гляжу, тавиррцы только про тебя и шепчутся. Но ты смотри… – Он с шумом развернул тяжёлый деревянный стул и сел на него верхом, обхватив руками спинку. – …смотри, чтобы ни с кем из них ни-ни, а то толку от тебя будет, как от дырявого ведра. Позор будет, если королю достанешься не девушкой. Вот держи, – он поставил на стол серебряную фляжку в кожаной оплётке.

– Что это? – спросила Эрика, беря фляжку в руки.

– Это – «Туман Балейры». Любовный напиток, способный обмануть зов леса. Выпьешь его перед брачной ночью с королём, а потом прочитаешь заклинание – Фло тебе расскажет, какое и когда читать.

– И что он делает? – спросила Эрика, открыв фляжку и понюхав.

Обычный вересковый мёд…

– Хех-хе-хе, – дядя рассмеялся в рыжую бороду, – сказать витиевато и так, как при дамах полагается, то… он будит такое… кхм… желание в обоих, что оно способно заглушить любой зов леса и пробудить другой. Коня свести с медведем. Ну, как-то так мне объясняли это. Но твоё дело маленькое – выпить, пошептать и ждать. Остальное само собой сложится.

Дядя хоть и пытался говорить деликатно, да вышло у него не очень, и Эрика покраснела до корней волос.

Тревор дал последние наставления и ушёл. За ним появился лекарь – тщедушный старичок, которого привезли из самого Эогана, чтобы он удостоверил, что невеста невинна. Когда он ушёл, Эрика села на кровать и посмотрела на фляжку. Настолько униженной и растоптанной она себя чувствовала, что у неё было только одно желание – вышвырнуть её в окно, стянуть с себя это платье и убежать в лес. Хотя понимала, что как наследница Янтарного трона и будущая королева она не имеет на это права.

Но где-то в глубине душе росло и крепло главное желание – отомстить за всё это. Она снова прикоснулась пальцами к кинжалу в рукаве. И это прикосновение успокаивало.

Едва солнце скрылось за вершинами деревьев, за Эрикой пришла тётя Бригитта.

– Это тебе больше не нужно, – она коснулась пальцами браслета на её запястье. – Больше не нужно скрывать, что ты фрэйя.

Эрика сняла браслет и положила на столик. И будто что-то закончилось в этот момент, какая-то страница её жизни перевернулась.

За окном темнело, в сторону холма потянулась цепочка огней: это к месту обряда уже обозначили дорогу факелами. А над ней в чёрном небе засияла россыпь первых звёзд.

– Жених уже ждёт, идём, – сказала тётя с ободряющей улыбкой.

Жених! Тьфу!

Эрика зло усмехнулась, снова пощупала кинжал в рукаве и пошла за тётей.

Внизу, в большом холле, сегодня было светло и чисто. Убрали солому, подмели пол, зажгли камин и множество свечей, а посреди комнаты поставили стол и стулья. Подписание соглашения о помолвке и мирного договора пройдет здесь. Комнату украсили венками и гирляндами из бузины, рябины и остролиста, а на пол бросили мяту и цветы вереска. Мерцали свечи, и тонкий цветочный дух витал в воздухе, придавая всей церемонии необычную торжественность. Поодаль стояли тавиррские псы, слуги и дети Бригитты, но все молчали, в комнате было тихо.

И глядя на маленькую Марин, которая восхищённо рассматривала невесту, Эрика внезапно подумала – как много от неё зависит. И от этой бумаги на столе. Тётя права – худой мир лучше доброй войны. Ей нужно помнить о долге.

Она вздохнула, прошла вслед за тётей Бригиттой, придерживая рукой платье, подняла голову и… обожглась.

Викфорд Адемар стоял по другую сторону стола и смотрел на неё. И смотрел так, что ей показалось – пол под ногами сейчас вспыхнет. Смотрел, будто не узнавал, или узнавал заново. И взгляд этот был жгучим, острым, почти осязаемым. Он скользнул по лицу, по губам, по шее вниз, задержавшись на полуоткрытой груди, и ещё вниз – по узорному лифу платья, а потом снова вверх – к губам. И одного этого взгляда было достаточно, чтобы влепить ему ещё одну пощёчину. А то и две. Эрика вся вспыхнула от смущения и ожидала, что он сейчас усмехнётся или скажет колкость, но на его лице отразилось что-то странное, похожее на смесь удивления и досады. А ещё она заметила, как дрогнули его ноздри, будто втягивая какой-то аромат.

Что? Она уже не чумазая балеритская замухрышка?

Эрика вскинула голову и посмотрела на Викфорда дерзко. Она перенесёт все унижения, а потом убьёт его. А если не убьёт сегодня, то, когда станет королевой, ему первому велит отрубить голову. И она усмехнулась своим мыслям, понимая, что эта бумага на столе просто первая ступенька, на которой они сейчас стоят рядом, но после которой этот пёс останется внизу ожидать

своей участи, а она пойдёт наверх, к трону, чтобы…

…чтобы?

Она потом решит, что ей со всем этим делать.

Викфорд заметил её торжествующую усмешку и усмехнулся в ответ недобро, словно угадал её тайные мысли. А если и угадал, то по его лицу было видно, что ему наплевать – он уже сделал неверную ставку в этой игре, но сожалеть об этом не собирался.

Хилет Тейн – королевский барристер – взял перо, свиток и начал монотонно зачитывать текст мирного договора, но Эрика почти ничего не слышала. Она смотрела на своего врага, а он на неё. Их взгляды сошлись в поединке, и, если бы не голос барристера, казалось, в комнате можно было услышать яростный звон мечей.

Эрика стояла по эту сторону стола, а по другую стоял Викфорд, слева и справа горели канделябры с дюжинами свечей, и между этими пятнами огня сияло ещё и третье невидимое пламя. Пламя их ненависти. Оно превращалось в алое золото и стекало прямо на стол, на эти бумаги и, наверное, ещё немного этого противостояния, и они бы вспыхнули.

Барристер откладывал один лист за другим, все вокруг торжественно молчали, глядя на изящные строчки и королевские вензеля, а сердце у Эрики выстукивало барабанную дробь. Ей казалось, что под кожей у неё прорастают огненные побеги, вьются по рукам, по телу, пробираются куда-то к сердцу, сжимая его в тиски, и оно от этого бьётся в агонии. Её словно жжёт изнутри от этого взгляда, которым смотрит на неё Викфорд, ей не хватает воздуха и кружится голова. В комнате стало невыносимо душно, и Эрика чувствовала, что ещё немного и она просто потеряет сознание.

На последнем листе стояла размашистая подпись короля Раймунда. Дядя Тревор взял перо и поставил под ней свою подпись, а за ним следом дрожащей рукой расписалась и Эрика, едва не поставив на бумагу огромную кляксу. Барристер заверил оба документа, посыпал песком, долго дул, а затем один отдал Тревору, а второй аккуратно свернул и сложил в кофр для свитков.

– Ну вот, теперь можно приступить ко второй части, – произнёс он торжественно и спрятал очки в карман. – По закону Тавирры, от лица Его Величества – короля Раймунда, как законный барристер королевского дома вопрошаю: согласна ли ты, Эрика Нье'Лири, стать женой…

Его слова долетали откуда-то издалека, и Эрика просто ответила «да», не вникая в их смысл, потому что надо было отвечать. И в ответ услышала такое же безразличное «да» милорда Адемара.

Дядя Тревор опустил на лицо Эрике вуаль и подал руку. Сегодня он играл роль её отца, а Бригитта – роль матери, и от понимания этого снова захотелось плакать. Дочери Бригитты подхватили шлейф её платья, и процессия двинулась прочь из замка вдоль цепочки огней вверх по холму. Там, на вершине, среди гранитных столбов, покрытых бархатом мха и ржавой россыпью пятен лишайника, находилось святилище – средоточие силы, идущей от самой земли. Именно там следовало проводить подобный обряд, а не в замковом храме, где проходило большинство помолвок и свадеб. Ведь этот обряд свяжет два народа, две страны, а не просто двух человек.

Среди камней уже горел костёр. На вытоптанной поляне мелом был очерчен большой круг и рядом с огнём сидела старая Фло. Ради сегодняшней церемонии она даже сменила свой наряд сумасшедшей на вполне приличное платье. Над костром висел котёл, в котором старая ведьма помешивала тёмное варево, бросала туда травы и, чуть покачиваясь, шептала над ним молитвы:

– Великий Небесный Охотник, Лесной Хозяин, Король Запределья, Бог плодородия во многих ликах и под многими именами, Хранитель Мирового Древа и держатель Копья – Оси мироздания. Тот, чьи рога воплощают ветви древа, а каждый их отросток – начало новой жизни, благослови этот союз, ибо ради благого дела…

Она встала и принялась ходить вокруг котла, помешивая то, что там варилось, и голос её звучал завораживающе.

– …Триединая мать, та, которая Создает и Поддерживает Все Живое, Источник Чистой Безусловной Любви, Источник Милосердия и Сострадания… Та, чьё покрывало – это земля, а волосы – лес… благослови этот союз…

Она разлила варево по кубкам, отдала подержать девочке и повернулась к процессии, остановившейся на самом краю обрядового круга. Кивнула Тревору, и он подвёл Эрику, указав ей встать по левую сторону от Фло, а с другой стороны встал Викфорд.

Всё было как во сне. В огонь бросили можжевельник и травы, и ароматный дым потянулся понизу, обвивая подол платья Эрики. Дочери Бригитты ходили по кругу, осыпая жениха и невесту зерном, а к ногам положили ягоды рябины и бузины. Фло начала петь старинную песню и положила между Эрикой и Викфордом ветви омелы.

Тревор велел всем отойти за пределы круга обрядового круга, дальше в темноту.

Но Эрика не видела ничего, кроме чёрных глаз напротив. Лицо Викфорда было серьёзным и в свете дрожащих языков пламени костра казалось ей почти зловещим. И то, что будет дальше Эрика представляла себе с с ужасом.

Ей уже приходилось целоваться. В ночь на шестнадцатилетие её первый поцелуй случился в саду с влюблённым в неё сыном найта Анабальда. Поначалу всё казалось так волнительно, и она думала, что это будет какое-то необыкновенное наслаждение, о котором шёпотом рассказывали ей служанки, но ничего подобного так и не испытала. Губы влюблённого юноши были мокрыми и пахли жареным луком, потому что он только что вышел из-за стола, и ничего необыкновенного в этом не было. Даже наоборот. Юноша был робок и, кажется, для него это тоже был первый поцелуй, он тыкался ей в губы, как щенок в ладонь в поисках молока, и в итоге Эрика вывернулась из его объятий и убежала.

А потом её целовал Ивар. И в его поцелуе тоже не было ничего, что вызвало бы трепет или наслаждение, о котором так много болтали девушки на кухне. Эрика просто терпела эти поцелуи, чтобы сделать приятное своему жениху, и не понимала, чего он пыхтит и дышит так жарко и вообще волнуется. В отличие от её первого поцелуя, Ивар в этом деле не был робким, совсем наоборот: он набросился на неё жадно, будто хотел съесть, и сжимал в объятиях так, что, казалось, рёбра треснут, а его зубы с непривычки ударились о её зубы. Его губы были какими-то сухими и жёсткими, а щетина на лице царапала кожу, и самый первый её поцелуй с сыном купца ей показался похожим на укус. Ивар тогда ещё спросил, понравилось ли ей? И она сказала, что да…

Но Ивар её хоть любил, а этот…

Поэтому, глядя на Викфорда, Эрика ожидала чего-то ещё более отвратительного. Ведь в темноте за пределами круга стояли его псы, и чтобы получить свои пятьдесят золотых и сделать так, «…чтобы она вся сомлела», ему, наверное, придётся сначала её придушить. И только мысль о кинжале в рукаве немного её успокаивала, хотя пальцы у Эрики сделались ледяными и как будто деревянными от волнения, и могли просто не удержать кинжал.

Фло подошла, вложила руки Эрики в ладони Викфорда крест-накрест и достала зелёные ленты: по обычаю руки нужно было связать – левую с левой, а правую с правой – для единства новобрачных. От прикосновения к Викфорду Эрику почти затрясло, но его руки были тёплыми, даже горячими, и он погладил её ладони большими пальцами, словно хотел успокоить или согреть, и чуть усмехнулся. Было видно, что он понимает, насколько ей страшно. И это взбесило ещё сильнее – это понимание и его молчаливое торжество. Эрика радовалась лишь одному – тому, что вуаль на лице скрывает её смущение и злость.

Фло вложила им в ладони по кусочку янтаря, перевязала руки лентами и осыпала цветами вереска. Прочитала молитву, чертя ножом руны на лентах, а потом развязала их, взяла кубки и протянула Эрике и Викфорду со словами:

– Пейте во славу Небесного Охотника и Триединой матери.

Эрика вцепилась в кубок обеими руками, боясь его выронить, чуть подняла вуаль и поднесла его к губам осторожно, чтобы не расплескать. В кубке оказался вересковый мёд – пряный, сладкий и крепкий. Он ударил хмелем в голову почти сразу, и побежал по венам, опьяняя, согревая и окрыляя, а под кожей ожили огненные цветы и начали медленно распускаться.

– Кольца! – раздалось откуда-то из темноты. – Мы забыли про кольца!

В круг света вошли барристер и дядя Тревор.

– По тавиррскому закону вы сначала должны обменяться кольцами! – произнёс барристер, он выглядел испуганным, ведь ответственность за то, чтобы помолвка прошла по всем правилам, лежала на нём.

Дядя Тревор достал из кармана кольцо, самый редкий зелёный янтарь блеснул в свете костра, и он протянул его Викфорду. Кольцо Янтарной королевы, когда-то оно принадлежало её матери. Барристер достал кольцо с алмазом и отдал Эрике.

– По закону Тавирры вы должны обменяться кольцами, – произнёс барристер. – Найрэ Нье'Лири, наденьте кольцо агату Его Величества.

Она взяла руку Викфорда, стараясь не смотреть ему в глаза, и надела кольцо, подумав как-то отстранённо, что рука у него хоть и крепкая, но мягкая, и кольцо село на палец идеально – видимо, ювелир подогнал его перед тем, как отдавать.

А Эрике кольцо оказалось мало. Странно, когда его надевала мама – ей оно было впору, а у Эрики рука уж точно не больше. Может, это другое кольцо? А может, от страха и переживаний руки у неё скрючились, как куриные лапы, но кольцо застряло на второй фаланге и никак не хотело идти дальше.

– Как бы ни дурной знак! На мизинец надень, – это дядя Тревор почему-то прошептал.

– Зачем же на мизинец, – ответил Викфорд с усмешкой, – не хотелось бы, чтобы такое красивое кольцо потерялось в дороге. Кольцо под цвет глаз…

Он приподнял её руку, мягко прикоснулся губами к безымянному пальцу там, где застряло треклятое кольцо, и медленно провёл по коже языком, а потом чуть надавил и оно село, как влитое.

– Ну вот, немного ласки делает податливым даже металл, – произнёс он с полуулыбкой, отпуская руку, и Эрика поспешно её выдернула.

Дядя Тревор довольно крякнул, тоже расплылся в улыбке и шагнул обратно в темноту, увлекая за собой барристера. И где-то там за обрядовым кругом послышались одобрительные шепотки.

А Эрике казалось, что её с разбегу бросили в кипяток, таким жаром окатило её это прикосновение, больше похожее на ласку. И от последних слов Викфорда, от этого неприкрытого намёка и того, что все это одобряют, она даже дышать

перестала.

Проклятый пёс!

– А теперь поприветствуй невесту уже как жену, – произнесла Фло, набирая серебряным ковшом немного мёда из котла, и пошла вокруг, брызгая им на землю, – убери вуаль, вас больше ничто не должно разделять, и поцелуй её во славу Богов. Да услышат они благую весть.

Викфорд шагнул чуть ближе, медленно поднял и завернул вуаль. Коснулся рукой её локтя… Посмотрел Эрике в глаза, а потом на губы, и ей показалось, что на его лице мелькнуло какое-то скрытое торжество.

И в этот момент она решилась.

Дрожащими пальцами расстегнула пуговку на рукаве, и кинжал скользнул в ладонь и лёг плотно, будто так и надо. От посторонних глаз их скрывала пышная вуаль, что струилась по её плечам. Эрика подняла руку и, отодвинув полу камзола, приставила кинжал к груди Викфорда.

Она знала: чтобы удар был смертельным, бить нужно резко и метить под рёбра. Но в своей жизни она убивала только животных, убивать людей ей, к счастью, не приходилось. Издалека в ярости пустить стрелу во врага – это одно, а вот так близко, на расстоянии ладони, касаясь его тела, это было совсем другое…

И она дрогнула в последнее мгновенье, поняла, что не сможет ударить внезапно и до конца, не сможет убить его сейчас, несмотря на всю свою злость. Фрэйи ведь созданы не убивать… И от обиды на собственную слабость, она прошептала яростно прямо в лицо Викфорду:

– Чувствуешь его? Приблизишься и сам насадишь себя на кинжал, проклятый пёс! А вот теперь можешь поцеловать меня, как муж, вернувшийся после долгой разлуки!

Его глаза – чёрная бездна, и кажется, что и в душе у него такая же бездна.

Она думала – он испугается. Но он не испугался.

Усмехнулся только, глядя на её губы, провёл пальцами по локтю вверх, отбрасывая вуаль ей за спину, и медленно подался вперёд. И Эрика отчётливо ощутила, как лезвие надрезает рубашку и кожу, и входит в его тело остриём.

– По-твоему, это меня остановит? – прошептал он хрипло, склоняясь к её губам.

Коснулся их медленно, нежно, позволяя привыкнуть к ощущениям. Провёл кончиком языка, раздвигая их и заставляя разомкнуться в ответ. И поцеловал, сначала нижнюю губу, потом верхнюю долгим неспешным поцелуем. Забрался пальцами под вуаль и прижался ладонью к затылку, притягивая Эрику к себе.

И она чувствовала, как дрожит её рука, как остриё кинжала упёрлось в ребро, а Викфорд, не обращая внимания на боль, всё сильнее притягивает её к себе, лишая возможности дышать и оттолкнуть от себя, потому что…

…его губы пахли вересковым мёдом и были сладкими на вкус… мягкими, нежными и настойчивыми. Но они не требовали и не брали, не сминали жадно, а ласкали и дарили, и просто звали за собой, невольно заставляя отвечать…

И дышать стало нечем, как будто за каждый глоток воздуха ей нужно было заплатить поцелуем, и вдыхать их жадно и так же жадно отвечать, иначе задохнёшься. А каждое прикосновение рождало невыносимое желание следующего прикосновения, более глубокого и более сильного. Эрика глотала эти поцелуи, вцепившись пальцами левой руки в полу его камзола, ощущая, как между ними совсем не осталось пространства, как по венам бежит уже не кровь – кипяток, и внутри всё скручивается в огненную спираль.

Её правая рука дрогнула, кинжал скользнул в сторону по ребру, прорезая рубашку и вспарывая кожу, и ладонь Эрики ощутила кровь – горячую и липкую.

И она испугалась. Отстранилась резко и хотела вырваться, но он поймал её за запястье и сжал сильно, почти до боли. Их взгляды встретились, и Викфорд смотрел на неё зверем, глаза чёрные, ноздри трепещут, и дышит часто, а она ещё чаще. Он отвёл её руку в сторону, с усилием вытащил из пальцев кинжал и, внезапно склонившись к уху, прошептал хрипло:

– Я же говорил – тебе понравится.

Она его оттолкнула, упёрлась руками в грудь, оставляя на его белой рубашке кровавый отпечаток ладони.

– Ненавижу тебя! – прошептала так же хрипло. – Пусть не сегодня – завтра, через неделю! Но я всё равно убью тебя!

Его грудь вздымалась тяжело, он усмехнулся и, посмотрев на окровавленный кинжал, произнёс негромко:

– Спасибо за свадебный подарок, жена. Ночью не приду, уж извини, этого права мне Его Величество не предоставил. Выезжаем с рассветом, но, думаю, ты и так не проспишь.

Он повернулся и пошёл прочь. А откуда-то из темноты раздались одобрительные возгласы псов и кто-то воскликнул:

– Эй, Вик! А ты у нас нечто девственник? Вон, ажно кровь пустил от одного поцелуя!

И псы захохотали.

Глава 9. Отъезд

Он не думал, что всё будет так. И сам не знал, что на него нашло. За что он извалял в грязи этого жениха – неудачника, зачем сказал ей про поцелуй, зачем дразнил её, как мальчишка… Увидел, как она заступается за купца, и взбесился. Она считает его трусом и подлецом! И думает всерьёз, что он только назло ей убил бы этого глупца, который меч держит как кочергу?!

Но чуть позже, когда уже успокоился, когда ушло раздражение, и здравый смысл возобладал, Викфорд решил, что как-то не на шутку увлёкся всей этой ерундой. Какая ему разница, что о нём подумает какая-то балеритская пигалица?! Дикая как горная коза! Она – королевская невеста, его дело – довезти её и сдать из рук в руки, а потом уехать на юг, заняться собственной свадьбой и забыть всё как дурной сон. При дворе он бывает только в составе

свиты герцога, и не так уж и часто ему придётся видеть свою королеву.

Свою королеву?! Даже не смешно… Ну какая из неё королева?! Да ещё его королева!

Он одевался для обряда и думал, что у него есть дела поважнее, чем переживать о какой-то строптивой балеритской принцессе с грязными руками. Впереди самое главное, то, ради чего они вообще отмахали половину Балейры – подписание бумаг о мирном договоре. И ему надо проследить, чтобы этот рыжий Тревор не надул барристера – обряд должен пройти по всем правилам. А потом им нужно отмахать ещё полмира обратно, и это будет не самый лёгкий путь, учитывая обстоятельства. Так что плевать, о чём она там думает, он не будет больше вести себя безрассудно. Пора начать относится к ней как к любой придворной даме: вежливо, любезно и безразлично. Пусть привыкает. Пусть увидит настоящие столичные манеры, может, это сделает её менее строптивой и избавит его от проблем. Может, и целовать её не стоит, а то вцепится ему в лицо, и будет конфуз. Уж как-нибудь переживёт он потерю пятидесяти золотых.

Но все эти мысли испарились из головы Викфорда, едва он увидел Эрику в холле замка. В жемчужно-белом платье она шла, осторожно ступая по полу, усыпанному листьями мяты и розовыми цветами вереска. Изящно, невесомо, чуть придерживая подол. И он вдруг так ярко представил её в короне и бриллиантах, идущую по ступеням дворца в Кальвиле. Он смотрел на неё и не узнавал. Это была она и не она. От той пигалицы, что ударила его сегодня утром по лицу, остались только глаза – всё те же глаза, полные изумрудного льда ненависти, а вот остальное…

Эрика стояла по ту сторону стола в этом красивом платье и янтаре, вздёрнув подбородок, так, словно не было вокруг этих жалких руин замка Кинвайл, ободранных стен и застиранных платьев его жителей. Словно она всегда носила только тонкий шёлк и парчу. А ведь, кажется, так и было до этой войны…

В этот момент он понял и ясно это увидел. То, что не разглядел в первые дни своего пребывания здесь. Она и правда будущая королева. И для него недосягаема, как звезда на небе. И зачем только она так красива в этом белом шёлке? Он глазам своим не верил, жадно разглядывая её новый облик. Тонкая, изящная, грациозная, и глаза блестят – она волнуется, ей страшно, но на него по-прежнему смотрит с ненавистью…

На него вдруг нахлынуло ощущение какой-то необратимости происходящего и волна совершенно непонятной злости. На себя, на неё, на всё вокруг, на то, что они сейчас сделают. И до боли захотелось повернуть время вспять, назад на эти три дня, и сделать всё по-другому. Начать всё сначала. Что-то изменить…

Но что можно изменить? Он приехал за невестой короля, и этого он изменить не в силах.

Огненные иглы снова ожили под кожей, вонзились в вены, вспенили кровь и ударили в самое сердце. Викфорд ощутил её аромат, и ему показалось, что пахнет она спелой малиной и летними цветами, он вдохнул его судорожно, не зная, с чего вдруг стал так тонко различать запахи. И может быть, ему просто мерещилось, а может быть, она просто ведьма и делает это специально. Только он смотрел на её губы и понимал, что все, чего он хочет сейчас – узнать какие они на вкус. Но он был уверен, что Эрика окажется холодной, как лёд. Не ответит на его поцелуй, оттолкнёт или ударит.

А она оказалась…

Губы у неё были мягкие, нежные, сладкие и такие неожиданно горячие и отзывчивые. И на вкус как спелая малина с мёдом. Едва прикоснулся – и утонул, а она откликнулась. Он ласкал их и чувствовал, как прорастают под кожей треклятые ветви, рвут мышцы и жилы, словно тянутся к ней навстречу, но боли нет, а совсем… совсем наоборот! Каждое касание опьяняет всё сильнее и обжигает так сладко. Викфорд и подумать не мог, что она вот так ему ответит: ножом под рёбра и той страстью, с которой целовала в ответ. И боль сплелась с наслаждением, и удержала на грани, ведь если бы не её нож, если бы не эта боль, которая его отрезвила, не смог бы он остановиться.

Когда она его оттолкнула, он стоял и смотрел, как дурак, а внутри всё горело огнём и жаждой. И он понимал, что зря… зря он это сделал! Она ему этого не простит. Не забудет никогда. И что самое паршивое – он не сможет забыть.

Она отравила его этим поцелуем, ведьма!

Почему она так его целовала? Её ненависть была настоящей, он видел, чувствовал… тогда почему? Неужели так сильно боялась за жизнь того купчишки? Жаль он не убил его прямо там!

Он развернулся и пошёл прочь, пошатываясь, взявшись рукой за бок и ощущая, что рубашка вся пропиталась кровью.

– Чего ржёте? – рыкнул в сторону своих людей. – Завтра выезжаем на рассвете, караулы поменять, лошадей накормить, взять овса и еды. Что забудете – шкуру спущу!

И он обругал их ещё за что-то, даже сам не понял за что.

– Да мы как бы знаем что делать, – растерянно ответил Корин Блайт. – Чего кобелить то?

Ну да, знают. И он знает, что знают. Но Викфорд, не обращая внимания на их недовольство, зашагал по холму вниз. Облизал губы, всё ещё ощущая её вкус, а ноздрями запах, и горько усмехнулся сам себе, благо в темноте никто не видел его лица.

В комнате подошёл к зеркалу, стянул рубашку и долго рассматривал своё отражение. Но не было на нём и следа от тех странных огненных побегов, что он ощущал под кожей во время обряда.

Что это за колдовство? Что она с ним сделала?!

Викфорд посмотрел на окровавленный бок и огромный багровый разрез, который оставил её кинжал, на своё плечо, где уже затянулась рана от стрелы, и подумал отстранённо, что они здесь всего три дня, а она уже дважды его покалечила. И по-прежнему хочет его убить. И даже если не убьёт сама, то однажды он всё равно умрёт из-за этой женщины. Какое-то странное ощущение, что так и будет, возникло у него в душе.

Викфорд смыл кровь, достал из сумки арнскую смолу, смазал рану от кинжала, чтобы сошлись края. Такой порез заживёт за пару дней. Хорошо, что остриё упёрлось в ребро. О чём он только думал – она запросто могла его убить!

Не могла… Не убила бы…

Он достал из сумки наконечник стрелы, той самой, которой она в него стреляла. Не стал её сжигать в тот раз, вытащил из камина и решил, что в ближайшее время найдёт кого-нибудь, кто растолкует ему, что за руны написаны на ней. И кто не соврёт.

В его отряде был один балерит по имени Кун. Они подобрали его ещё на границе, в гарнизоне. Искали проводника, и он сам напросился. Командор сказал, что он хороший разведчик и проведёт их любой тропой. Не особо Викфорд ему доверял – никогда не любил предателей, даже если они и были на его стороне. Но сейчас сгодится и этот Кун – как можно скорее надо выяснить, кто может знать, что за руны на этой стреле.

В дверь постучали, и вошёл Тревор, раскрасневшийся и потный, видимо, успел приложиться к бьяхе уже не раз.

– Чего тебе? – спросил Викфорд, закрывая рану чистой тканью.

Тревор посмотрел на порез, на окровавленные тряпки, на кинжал на столе и, крякнув в кулак, спросил осторожно:

– Мне стоит беспокоиться по этому поводу?

Викфорд усмехнулся криво, плеснув воды в кубок, подошёл к окну и, уставившись невидящим взглядом в темноту, ответил:

– Не стоит. На мне всё заживает как на собаке.

– Да я не про то…

– А про что? – спросил он устало.

– Я про мою племянницу.

– Я её не убью, не покалечу, не буду мстить, можешь не переживать за это. Я не воюю с женщинами, – он выпил воду залпом и поставил кубок на подоконник.

– Да я и не про то…

– В самом деле? – Викфорд обернулся. – А про что тогда?

– Ты же понимаешь, что она должна остаться невинной? – льдистые глаза Тревора впились Викфорду в лицо. – Невинной достаться королю Раймунду.

Викфорд прищурился и произнёс холодно:

– Подумай сто раз, прежде чем продолжать, Тревор Нье'Лири. Ты же не всерьёз собираешься сказать мне, чтобы я её не трогал? Ты полагаешь, что такое придёт мне в голову? Голова мне пока что дорога, и я в своём уме. И хоть я и воюю за золото, но я из дома Адемаров, так что подумай хорошенько, прежде чем подозревать меня в бесчестии.

– Да я и не про это…

– А про что тогда, задери тебя болотный дух?! – зло спросил Викфорд.

– Я про неё хочу сказать. Я же видел всё, – он указал пальцем на тряпку, которую Викфорд прижимал к рёбрам, – будь осторожен. Ты можешь и не устоять, если она сама захочет. Фрэйям очень сложно сопротивляться. Ты же понимаешь, что стоит на кону? Ни ты, ни я, и даже не она. А Балейра и Тавирра, – Тревор понизил голос и добавил зловеще: – И если ты тронешь её хоть пальцем, я сам найду тебя и убью – помни об этом!

– Сама захочет? Всё, чего она хочет – это загнать мне кинжал под рёбра! – фыркнул Викфорд. – Тебе стоило бы поменьше прикладываться к бьяхе. Но я не трону её, даже если она снова пустит в меня стрелу, – добавил Викфорд. – Я доставлю её в целости и сохранности королю Раймунду, и её честь при этом тоже останется нетронутой. Даю слово. И поверь, я не нарушу своего слова, скорее умру. Так что можешь идти спать.

– Хорошо. Но помни, – Тревор снова понизил голос, – жизнь моего народа зависит от этого брака. Так что я обязательно найду тебя, если ты его нарушишь. Из-под земли достану и убью.

Тревор ушёл, а Викфорд посмотрел на бутылку с бьяхой. Хотелось выпить. Да что там, почему-то захотелось напиться. Но завтра предстоит долгий путь.

Завтра он повезёт будущую королеву, и если что случится, ему придётся заплатить за это своей головой. Так что пусть уж лучше она остаётся трезвой.

Он долго не мог заснуть, а когда, наконец, уснул, то спал тревожно, ему снились кошмары и он проснулся уставший и разбитый. Вышел во двор и окунул в колоду голову, прямо в ледяную воду, стянул рубашку и облился по пояс. Обычно это помогало. И, как и в прошлый раз, ощутил взгляд, который змеился по коже холодом. Кто-то смотрел ему в спину со стороны башни, обернулся и безошибочно поймал в окне знакомый силуэт. Можно было даже не всматриваться – это была Эрика. Она снова наблюдала за ним, и вместо того чтобы уйти и сделать вид, что он её не заметил, Викфорд отвесил ей пышный поклон, подметя булыжник двора своей рубашкой. Силуэт мгновенно исчез, а Викфорд даже усмехнулся.

Она за ним наблюдает…

И почему-то это было до странного приятно осознавать.

– Ну что ещё? – спросил он Корина Блайта, который ворвался к нему в комнату даже без стука.

– Тут такое дело, командор, Бирн и Сигурн только что прискакали. Сказали, со стороны Лоарна едет отряд. Большой отряд. Вчерашний купчишка собрал людей и движется сюда.

– Этому дураку и в самом деле жизнь не дорога? – фыркнул Викфорд. – И что, большой отряд?

– Там не меньше пяти дюжин людей. И хорошо вооружённых, – с прищуром ответил Корин.

– Вот как? Хм. Что-то, вижу, ты озадачен, и даже не предлагаешь драться как обычно? В чём дело? – спросил Викфорд, вглядываясь в серьёзное лицо своего ларьета.

– Я бы подрался, Вик, кабы не королевская невеста, – ответил Корин, понизив голос, – да и, как я тут выяснил, отец купчишки – глава гильдии, богат и в

родстве с наместником в Эогане. Оно нам надо?

– Так вот, значит, откуда у купчишки маленькая армия, – ответил задумчиво Викфорд. – Пожалуй, ты прав, не стоит привлекать внимания бессмысленной резнёй.

– Карета прибыла, надо грузиться и убираться, быстро и незаметно, – сказал Корин.

– В пекло карету! – отмахнулся Викфорд, надевая ремень. – Если эти дурни идут сюда по дороге со стороны Лоарна, то мы с каретой далеко не уедем, отсюда дорога только на север. Нам не проехать мимо них. Тут есть какая-нибудь тропа, кроме той, по которой мы приехали сюда?

– Не знаю. И спросить не у кого, – пожал плечами Корин, – а словам местных я бы не стал доверять. Этот купчишка тут всем нравился… в отличие от нас. Или пошлют прямо в болото или сдадут нас его же головорезам, как только явится обиженный жених. Сам понимаешь, нас тут мало кто любит, а Эоган с гарнизоном далеко…

– А я, пожалуй, знаю, кто нам расскажет про дорогу… Седлайте лошадей, – Викфорд натянул куртку и быстрым шагом направился в комнату Эрики, бросив на ходу. – А всем скажи, что мы поехали на Эоган, что у нас есть дело к наместнику.

В любое другое время и в любом другом месте он не стал бы врываться в комнату к женщине, к даме, к девушке, просто к чужой невесте или жене, а уж тем более к невесте короля. Но сейчас было не то время и не то место. Если Корин прав, неизвестно кому этот купчишка мог разболтать обо всём, и уж точно Корин прав в том, что убираться надо быстро и незаметно. Ведь тех, кто не хотел бы перерезать горло тавиррским псам и прикопать их в лесочке, на три сотни квардов днём с огнём не сыщешь. А пять дюжин вооружённых людей – это серьёзно. И сидеть в осаде в этом замке, устраивать кровавую бойню и ждать подмоги из Эогана ему как-то совсем не хотелось. Он стукнул по двери костяшками пальцев и, не услышав возражений, стремительно вошёл в комнату и тут же пожалел о своей поспешности.

Эрика стояла боком напротив окна, удерживая руками волосы над головой и пытаясь соорудить причёску. И она была в одной рубашке, хоть и длинной, но такой тонкой и прозрачной, что вот так, против света, эта рубашка почти совсем ничего не скрывала.

И Викфорд замер на пороге как вкопанный, держа одной рукой дверь.

Эрика обернулась и воскликнула:

– Вы совсем ополоумели?!

Отпустила волосы, они рассыпались по плечам, вмиг делая её похожей на какую-то лесную деву из тех, что так часто встречаются в балеритских легендах – невинную и прекрасную. А потом она яростно схватила с кровати корсаж и прикрыла им грудь, вспыхнув от злости и смущения.

Но Викфорд уже успел увидеть больше чем нужно. Почувствовать больше чем хотел бы… И разозлиться на себя. И на неё.

– Солнце уже высоко, а вы ещё не готовы! Я ведь говорил, что выезжаем на рассвете, – попытался он скрыть своё смущение за резкими словами.

– Я ещё не собралась! И собираюсь, как видите! – выпалила она и вся покраснела ещё сильнее.

– Как я понял, у вас нашлось время, чтобы наблюдать за мной, но не нашлось времени, чтобы собраться, – он махнул рукой в сторону окна, указывая на разбросанные вещи, и уставился на гобелен над кроватью.

Проклятье!

– Я наблюдала не за вами!

– Ну не за курами же во дворе, – усмехнулся он и нервно провёл рукой по волосам.

– Вы слишком много о себе воображаете! Да как вы вообще смеете ко мне врываться?! Подите вон! Мне нужно одеться!

– А мне нужно сказать вам кое-что очень важное.

Ему бы извиниться и уйти, а у него будто ноги приросли к полу, а глаза к треклятому гобелену.

– Настолько важное?! – она просто пылала яростью. – Ну что же, извольте. – Эрика вдруг отшвырнула корсаж на кровать, развела руки в стороны, и так и осталась стоять в одной рубашке. – Я слушаю тебя, пёс, – произнесла ледяным тоном и вздёрнула подбородок, – что за важные новости ты принёс своей госпоже?

Он опешил. Одно короткое мгновенье он стоял и смотрел, пожирая глазами её фигуру, едва прикрытую тончайшим батистом, и утреннее солнце, что било ей прямо в спину и просвечивало сквозь тонкую ткань, не оставляло почти никаких тайн в складках рубашки. А её тон, которым она сказала это хлёсткое «пёс»…

Викфорд словно подавился словами, сглотнул, отвёл глаза и произнёс сухо:

– Вам лучше надеть мужской костюм, мы вынуждены уезжать быстро и верхом, карета останется здесь, как и сундуки. Так что возьмите только то, что можно навьючить на лошадь. И поторопитесь… одеться. Я подожду снаружи.

Он вышел торопливо, хлопнув дверью так яростно, что по коридору прокатилось гулкое эхо.

Да провалиться ему! Зачем он это видел?! Мало того что полночи ему мерещился её запах, а кошмары перемежались видениями о её поцелуях, так теперь ещё и это!

Викфорд понимал, что вряд ли сможет забыть соблазнительные изгибы её тела, руки, запрокинутые наверх со щёткой для волос, и грудь, которую облегала тончайшая прозрачная ткань…

Он сжал кулак, ощущая, как под кожей оживают огненные иглы, и понял внезапно, что каждый раз это происходит рядом с ней. В нём словно пробуждается зверь…

Да что это за проклятье такое?!

А ещё это её повелительное «Я слушаю тебя, пёс!» Оно ударило хлеще пощёчины. Задело за живое, сильнее, чем вчерашний кинжал.

«Своей госпоже»! Всевидящий отец!

Эрика оделась быстро и распахнула дверь так, что она едва не слетела с петель. Сейчас она была в мужском костюме, похожем на тот, в каком Викфорд впервые встретил её в лесу. И он опять отвёл глаза, понимая, что если будет смотреть на неё, то в голову снова полезут ненужные мысли о её тонкой талии и стройных ногах, и…

Да чтоб тебя!

Он шагнул в комнату и, не глядя на Эрику, сухо изложил суть дела. А она, выслушав его рассказ, внезапно расхохоталась в ответ, громко, задорно, от души.

– И ты испугался сына купца?! Ах, смелый и отважный Викфорд Адемар струсил перед Иваром Йорайтом! О, Триединая мать, мне будет о чём рассказывать в салонах Его Величества!

Она смеялась, запрокинув голову, и в глазах её он видел только презрение.

– Я так понимаю, ты хочешь, чтоб я всё-таки его убил, да? – холодно спросил Викфорд, сдерживая беснующееся в нём раздражение, и добавил с усмешкой: – Или ты думаешь, что я и в этот раз выменяю его жизнь на твой поцелуй? Что, так понравилось со мной целоваться?

Эрика тут же изменилась в лице и произнесла, понизив голос:

– Как рана на боку? Уже не болит? Или надо было надавить посильнее?

– А ты бы смогла? Сомневаюсь! – криво усмехнулся Викфорд. – Ты могла убить меня дважды, но оба раза промазала, – он подошёл к её сумкам, – а теперь, боюсь, ты упустила удачный момент, пигалица. Или, быть может, ты всё-таки не такой уж и меткий стрелок?

Рядом с поклажей стоял лук, и он взял его в руки. Отличный лук из чёрного дерева покрытый тонкой вязью серебряных рун. Дорогое и смертоносное оружие. А рядом колчан со стрелами, и прежде, чем Эрика успела его схватить, Викфорд достал из него четыре стрелы с такими же наконечниками, как у той, которой она его ранила.

– Не так быстро, – он отвёл колчан в сторону, не давая Эрике возможности его забрать, – не думаю, что всё это понадобится будущей королеве. Или ты думаешь, что я предоставлю тебе ещё одну возможность меня убить?

– Боишься, что на этот раз я не промахнусь? – с вызовом спросила Эрика.

– Боюсь, тебе придётся попрощаться с этим луком. Я отправлю его в камин, – усмехнулся он зло.

Она изменилась в лице и шагнула навстречу Викфорду.

– Нет! Пожалуйста! Не надо! Прошу вас!

Он смотрел на неё и не мог понять, что произошло. Куда делась её ярость и презрение?

– Вот как? А вы, оказывается, умеете просить, найрэ Нье Лири? – он внимательно посмотрел на лук. – Он вам так дорог? Или в нём есть какая-то особенная ценность?

– Он… Это… подарок моего отца, – произнесла Эрика тихо. – Пожалуйста… отдайте его мне.

– Что это за стрелы? – спросил Викфорд, разглядывая наконечники.

Она молчала, только ноздри раздувались от злости.

– Или ты скажешь мне, или я и правда отправлю всё это в камин.

– Их дал мне отец перед тем, как… Они убивают предателей нашей земли. Тех, в ком есть Дар, и кто перешёл на сторону тавиррского короля, – ответила она, глядя Викфорду прямо в глаза.

– И каким образом? Они заколдованы? Смазаны ядом? Что в них особенного? – он пропустил то, с каким упором она сделал ударение на слове «предателей».

– Я не знаю.

Викфорд красноречиво покачал луком и подошёл к камину. И, видя это, Эрика шагнула следом и воскликнула горячо:

– Я… я правда не знаю! Отец мне не рассказал.

– Хочешь, чтобы я тебе его отдал – придётся заслужить, – он усмехнулся с прищуром.

Эрика вспыхнула, будто это он только что отвесил ей пощёчину.

– Заслужить?! – воскликнула в гневе и вдруг шагнула ему навстречу, и между ними осталось расстояние не больше локтя.

Глаза у неё сверкали, она была в такой ярости, что, наверное, сейчас у неё точно хватило бы силы воли проткнуть его кинжалом. И она стояла так близко, что он ощутил запах малины и луговых цветов, и иглы под кожей снова ожили…

– Когда я… стану королевой, – произнесла Эрика тихо срывающимся голосом, отрубая слова, будто мечом, – я прикажу… повесить тебя на площади… и срезать с тебя кожу… живьём… медленно… полоска за полоской… и буду смотреть на это с балкона, обмахиваясь веером.

И от этих слов, от той страсти, с которой она их произнесла, у Викфорда внутри словно пронёсся огненный смерч, рождая чёткое ощущение того, что это

путешествие он и правда закончит на эшафоте. Перед глазами мелькнуло видение, в котором он стоит на площади, привязанный цепями к столбу, а она на балконе – в короне и изумрудном шёлке…

И это было первое видение в его жизни, лишенной Дара.

– Это большая честь для пса – умереть от руки его королевы, – произнёс Викфорд хрипло и, оттолкнувшись от стены, вышел, прихватив с собой стрелы и лук.

Часть 2. Дорога в Гранард

Глава 10. Кто предатель?

Уезжала Эрика с тяжёлым сердцем.

Ей казалось, она делает что-то непоправимое и глупое – почему-то такая мысль зародилась у неё в голове. Она обошла замок, глядя с тоской на тёмную полосу леса. Именно там, в этом лесу, её душа начала понемногу заживать после всего, что произошло: бегства из родного дома и потери всех близких. А сейчас её снова, как дерево, вырывают с корнями из земли и отправляют в какие-то неведомые края.

Она присела на подоконник в башне. В этом безлюдном месте она любила наблюдать за горизонтом, за небом и облаками, а сейчас смотрела на то, что происходит во дворе: как тавиррцы вьючат лошадей, как дети стоят поодаль, наблюдая за мрачными мужчинами, на Викфорда, который напряженно говорил о чём-то с Корином Блайтом.

Псы торопились, и Эрика хоть и посмеялась сегодня утром над их командором, но в душе была согласна с тем, что уехать нужно поскорее. Она искренне удивилась, узнав, что Ивар Йорайт решил вернуться, чтобы отомстить. Викфорд не сказал ему, что Эрика невеста самого короля, и, видимо, зря. Может, тогда

Ивару не пришло бы в голову ехать сюда, чтобы подраться. А может, это была его уязвлённая гордость? Хотя это странно: её прежний жених не отличался буйным нравом, а уж о том, чтобы сражаться, и речи не шло, так что случилось? Но сейчас у неё не было сомнений, что в этот раз Викфорд убьёт беднягу Ивара.

Её размышления прервали голоса, доносившиеся снизу, с лестницы, и Эрика прислушалась. Полуразрушенная восточная башня, примыкавшая к длинному амбару, обычно была пуста. Ночью на её вершине любил сидеть филин, а днём в неё иногда забиралась Эрика, да и то лишь когда хотела погрустить и побыть одна, поэтому и удивилась, узнав в одном из говоривших дядю Тревора. Второй голос был ей незнаком.

– Я не спрашиваю тебя, Тьен, что мне делать! – раздражённо говорил дядя.

– А тебе следовало бы знать, что Нье'Каваны против! И Нье'Риганы, и Малены, и Киффы! – мужчина по имени Тьен был явно разгневан.

– Мне плевать, кто там против! Я сейчас старший мужчина клана, и буду делать так, как посчитаю нужным. А если Киффов что-то не устраивает, то пусть придумают план получше! И если это всё, зачем ты сюда прискакал, то убирайся!

– Значит, ты не одумаешься?

– Я уже подписал бумаги, и Эрика тоже.

– Бумаги же ещё здесь, как я понимаю? – вкрадчиво спросил Тьен.

– Даже не думай! Если ты хоть пальцем шевельнёшь, я тебе его оторву и засуну туда, куда тебе не понравится, ты понял меня? – прохрипел дядя зло. – Я сделаю что решил, и никакие Киффы или Малены мне не помешают. А ты проваливай! Где были Нье'Риганы, когда проклятый король жёг наши города? Когда казнили Дивира? Думали отсидеться на севере? Передай им – пусть подотрутся чертополохом!

– Ты предатель! Ты предаёшь всё, за что мы боролись! Ты хочешь жить под пятой проклятого короля?

– Я просто хочу жить, Тьен, а ты, видимо, сдохнуть. Но я не позволю тебе утащить за собой и всех нас, проваливай!

– Пеняй на себя, – зло выплюнул Тьен.

Они ушли, а Эрика вспомнила, что слышала от отца о Тьене Нье'Ригане – сыне найта с севера из клана Орешника. Видимо, это был он и, судя по разговору, северные кланы не поддерживали мирный договор, который от лица всех балеритов подписали она и дядя Тревор. Самый север Балейры всё ещё не был покорён тавиррцами – озёра, болота и туманы сильно мешали войскам короля Раймунда.

Эрика вздохнула. С одной стороны, это глупо, ведь Балейра всё равно проиграла, и только вопрос времени, когда падёт строптивый север. Но, с другой стороны, она уважала желание северян стоять до последнего. И будь она мужчиной, то не поступила бы как дядя Тревор, а ушла бы сражаться.

Она выглянула в маленькое окно, что выходило на разрушенную стену, и увидела, как Тьен Нье'Риган уходит в сторону леса. У стены он обернулся, и Эрика успела разглядеть его лицо, а потом он набросил капюшон и нырнул в густой ольховник.

Эрика услышала, как её зовут, и спустилась вниз. Настало время уезжать. Прощание с Кинвайлом было коротким, потому что отряд торопился, но на лицах жителей замка она не увидела сочувствия. Когда стало известно, с каким поручением приехали тавиррцы, всё как-то сразу изменилось. Все смотрели на неё теперь так, будто после обряда она уже надела на голову вражескую корону и сама стала врагом. И чувствовать это было очень неприятно. И только тётя Бригитта, прощаясь, вытерла скупую слезу и сложила пальцами руну удачи. Да ещё самая младшая из дочерей Бригитты – Марин, привязала к её седлу оберег, сплетённый из травы и ивовых ветвей – для хорошей дороги. Эрика улыбнулась скупо и пришпорила коня. Хотелось плакать. Даже не плакать – выть, но псы не должны увидеть её слёз.

Псы были с ней вежливы и учтивы. И при них Викфорд тоже вёл себя с Эрикой с должным почтением, ни словом, ни взглядом, ни намёком не выдавая того, что вообще произошло между ними. Как будто они установили негласное перемирие на то время, пока их окружают другие люди. Перемирие, похожее на стену из

хрусталя, прозрачную и прочную, через которую не слышно, что говорят, но по лицам прочесть всё-таки можно.

И по лицам тавиррцев она читала – они недовольны тем, что она путешествует теперь с ними на равных, что они не могут позволить вести себя как обычно. Если бы она ехала в карете, как настоящая леди – другое дело. А так…

Они молчали и лишь изредка перебрасывались ничего не значащими фразами о дороге.

Викфорд ехал впереди, Эрика в центре отряда, а позади ещё две вьючных лошади, на которых везли её вещи. Впрочем, ей было как-то всё равно, что везти с собой в Кальвиль. Хоть вообще ничего, и она не стала брать всё, что приготовила ей Бригитта.

После прощания с тётей, с замком Кинвайл – этим последним островком чего-то родного, что оставалось у неё в жизни, на душе у Эрики было тошно. А когда за их спинами сомкнулись деревья, и отряд двинулся по тропе, она вдруг остро ощутила такую тоску и одиночество, что хотелось упасть лицом прямо в мох и заплакать. И впервые по-настоящему подумалось: что ждёт её впереди? Какой он – король Раймунд? Человек, с которым ей предстоит прожить всю жизнь…

О нём говорили разное, в основном, плохое. Что он жесток, что огромен и некрасив, что лицо у него рябое и рыбьи глаза, зато прекрасен дворец. Что он был уже трижды женат, и что первую жену сослал в монастырь, признав сумасшедшей, вторая умерла от лихорадки, а третья – в родах. И ни от одной жены у него не родилось живого наследника. Кто-то говорил, что он проклят, потому что вырубил священные леса балеритов, но в это Эрика не особо верила. Леса он велел вырубить уже когда женился в третий раз, так что если он и был проклят, то уж точно по какой-то другой причине. А вот теперь ей предстояло стать его четвертой женой. И каждый шаг, который делала её лошадь, приближал к этому моменту.

Душа у Эрики наполнялась отчаянием, потому что только сейчас она по-настоящему ощутила глубину своего несчастья. Жить в окружении врагов, без единой родной души рядом, ложиться в постель с тем, кто отдал приказ казнить её отца, сжечь её мать и уничтожить её страну. Улыбаться ему, родить детей…

Она вдохнула судорожно, вырвавшись из этих гнетущих мыслей, и желание схватить стрелы, лук и убить кого-нибудь снова затопило её по самую макушку, а взгляд упёрся в спину Викфорда. И, как и в прошлые разы, её накрыло безотчётной волной ненависти к нему, ведь король был далеко, а его наместник – вот он, рядом…

Мысли вернулись к сегодняшнему утру, и ей снова стало стыдно. Вспомнился его взгляд, слишком красноречивый, слишком откровенный, и то, как он разглядывал её жадно, не стесняясь, и сейчас, когда утренняя ярость в ней немного улеглась, это стало её пугать.

Не стоит его злить. Она здесь одна с дюжиной здоровых мужчин, и, судя по утреннему взгляду Викфорда, все они отнюдь не монахи. Эрика вспомнила разговоры псов о том, что они не присягали королю и как собирались сжечь её и весь Кинвайл, если их командор умрёт. А значит, их ничто не сдерживает, кроме золота. Псы они и есть псы. И Эрика пообещала себе больше не провоцировать никого из них. Всё-таки она везёт мирный договор, а её несдержанность может обернуться продолжением войны.

Викфорд как будто тоже решил держаться от неё подальше. Он теперь вообще с ней не разговаривал и не обращался напрямую, стараясь передавать поручения только через кого-то из своих людей. Чаще всего это был барристер – Хилет Тейн. Невысокий полноватый мужчина со светлыми волосами, тщательно спрятанными под бархатный берет с пером. Он ехал рядом с Эрикой, держа перед собой сумку с кофром для свитков, и трясся над ней, как над горшком золота. Впрочем, это и неудивительно – за пропажу бумаги такой ценности король быстро укоротит его на целую голову. Но он единственный во всём отряде, кто не вызывал у Эрики раздражения и злости, и она задавала ему ничего не значащие вопросы о Кальвиле. Он охотно отвечал и даже рад был такому собеседнику: видимо, общество псов было для него слишком уж грубым.

Первый день ехали почти без остановки, переночевали в каком-то заброшенном доме в стороне от дороги, и встали с рассветом. И следующий день Эрика тоже провела в седле. Она хоть и привыкла к тому, чтобы целыми днями охотиться в лесу, но вот двое суток подряд на лошади – такое путешествие оказалось крайне утомительным.

Эрика не понимала, куда они направляются, потому что дорога на юг осталась в стороне, а они свернули на какую-то тропу и двинулись сначала на запад, а

потом на восток. В отряде с ними ехал проводник по имени Кун, и по его речи и одежде можно было догадаться, что он балерит. Он и определял направление. Но чутьё подсказывало Эрике, что едут они либо не в Кальвиль, либо очень странной дорогой. И от этого на душе становилось тревожно. За всё время пути Викфорд сделал всего две коротких передышки, и Эрика догадалась, что видимо они путают следы – стремятся уйти от возможной погони.

На второй день к вечеру она уже едва не падала из седла от усталости, но просить Викфорда об отдыхе ей не позволяла гордость. К счастью, об этом попросил барристер, пожаловавшись на то, что у него разболелась спина, и они свернули на ночёвку к постоялому двору в какой-то схуне. Лес в этом месте отступал ближе к холмам, обнажая небольшую долину с извилистой речушкой в низине, по берегам которой расположились три десятка домов. Война пощадила это место, и постоялый двор был почти не тронут огнём и мечом. Разве что мужчин в деревне почти не осталось. Так что, увидев вооружённых наёмников, хозяйка бросилась суетиться и старалась угодить тавиррцам, видя, что они при деньгах.

Эрике отвели лучшую комнату на втором этаже в мансарде, а псы разместились кто где, в основном на сеновале, потому что в доме было всего-то четыре комнаты. Хозяйка сновала туда-сюда, не глядя никому в глаза и бормоча себе под нос напоминания о том, что нужно не забыть. Собрала на стол лепешки и похлёбку – больше здесь нечем было разжиться.

Эрика попросила у хозяйки горячей воды – помыться, взяла еду и ушла к себе в комнату. С наслаждением стянула сапоги. Ей казалось, они едут уже целую вечность, и за всё время пути это был её первый настоящий отдых.

* * *

Она проснулась резко от тревожного чувства в груди и запаха дыма. Села на кровати рывком не осознавая в полной мере, где она находится. В эту ночь она спала так крепко, что не сразу поняла: крики и дым вокруг – это не сон. И в первый момент ей показалось, что она опять дома, в Гранарде, что это снова осада замка, и горит крыша конюшни. С улицы доносилась тавиррская брань и звон мечей, и сердце у Эрики в груди заколотилось набатом, а руки и ноги вмиг стали ледяными.

Она натянула одежду, бросилась к окну, выглянула и увидела, что уже светает, и что ей вовсе не снится пожар – это горит стена постоялого двора со стороны входа. Среди дыма метались какие-то люди, а во дворе шёл бой. Она едва успела отпрянуть от окна, как в косяк вонзилась стрела с рыжим оперением, а следом ещё одна. Эрика побежала к выходу, но тут же вернулась – внутри дома уже всё заволокло дымом, и она, закашлявшись, захлопнула дверь. Снова попыталась выглянуть в окно, но кто-то держал его на прицеле, и стрела вонзилась в дерево почти у виска.

Триединая мать!

Эрика отпрянула и с ужасом подумала, что будет глупо умереть вот так, вот здесь, при том, что она смогла пережить осаду и штурм их замка в Гранарде, пройти половину страны и ускользнуть из лап вездесущих тавиррских эмиссаров.

Дверь распахнулась от удара ногой, и вместе с клубами дыма в комнату ворвался Викфорд. Его лицо в крови и саже выглядело ужасно. Он удерживал над головой толстый плед, шагнул Эрике навстречу и схватил за руку.

– Живо за мной! – крикнул и закашлялся. – Одеяло возьми! На голову! Быстро! Держись за меня!

Со стороны лестницы раздавался гул пожара.

– Мы же сгорим! – воскликнула Эрика.

Но Викфорд только стиснул её руку почти до боли и потащил за собой прямо в гущу дыма.

Огонь уже лизал балясины лестницы, и сердце у Эрики от затопившего её страха гулко колотилось о рёбра, а ноги просто приросли к полу, потому что шагнуть навстречу своему самому страшному кошмару она была не в силах.

Ещё с того дня, когда пылали дома в Гранарде, когда на площади наспех сооружали костёр, на который потом взошла её мать, когда её няня – старая Леоха, тащила её сквозь дым по коридору к стене, почти столкнув в ров, полный

тухлой воды, и тем самым спасла ей жизнь… С того дня Эрика панически боялась огня. Боялась и ненавидела. Он приходил к ней иногда в кошмарах, перемежаясь тавиррской бранью, топотом копыт по мостовой и звоном мечей, и у этого страха была голова белого волка в серебряном круге и запах дыма. Этот страх сдавливал горло железным обручем, заставляя вскакивать посреди ночи и плакать потом беззвучно.

И вот сейчас всё было ровно так, как в её самом страшном кошмаре. Пламя яростно рвалось снизу вверх по деревянным стенам холла, в лицо пахнуло жаром, и от этого зрелища Эрику почти парализовало. Она даже кричать не могла, вцепилась в дверной косяк рукой, и только одна мысль билась в голове – сейчас она умрёт.

– Я не могу! – прохрипела, пытаясь броситься обратно к окну.

Но Викфорд с силой дёрнул её на себя и рявкнул, перекрикивая гул пламени:

– Нельзя, дура! Убьют!

Обхватил за талию, набрасывая на голову одеяло, и почти поволок за собой в удушливую жаркую тьму. Они едва не скатились по лестнице, давясь дымом и чувствуя, как он рвёт внутри лёгкие, заставляя почти выплёвывать их рваным кашлем, и в голове всё плывёт, и уже непонятно где верх, а где низ, и куда надо бежать. Эрику накрыло каким-то безумием – хотелось закричать, но она не могла.

Викфорд почти вслепую выбил плечом раму в нижнем окне и вытолкнул Эрику наружу, а сам прыгнул следом, перекатился на спину, кашляя и давясь воздухом. Но тут же вскочил и, схватив скорчившуюся Эрику поперёк талии, потащил прочь от горящего дома. А она не могла идти, только цеплялась за него скрюченными пальцами, падала на колени и дрожала. И тогда Викфорд, кашляя и ругаясь, рывком поднял её на руки и бросился прочь куда-то между амбаром и кустами, в сторону оврага, за густые заросли жимолости.

Они упали прямо в росистую траву. Эрику трясло, она ловила губами воздух и всё не могла надышаться.

– Никуда не уходи! Жди здесь! Поняла?! – крикнул Викфорд, склоняясь над ней, а затем поднялся и, согнувшись пополам, побежал обратно.

А Эрика лежала и дышала, чувствуя лишь одно – как же это чудесно – просто дышать.

Когда она выбралась из оврага, огонь уже охватил здание полностью, и гудел ровно, уносясь вверх ровным ярким столбом. Деревне повезло: рассветный воздух был тих и спокоен, ни ветерка, и постоялый двор находился в стороне от других домов, прямо у дороги, а иначе сгорело бы всё – такая сила была у этого огня.

Бой закончился. Эрика увидела псов, окровавленных, потных, злых, в саже и с обнаженными мечами. Они стояли на выкошенной лужайке между дорогой, пожарищем и амбаром, а повсюду были трупы и кровь. На траве у ног Корина Блайта лежали двое нападавших, один из которых оказался серьёзно ранен. И рядом, припав на одно колено, стоял Викфорд, приставив кинжал к горлу второго пленного.

– Отвечай, кто послал?! Не скажешь – язык отрежу!

Но пленный только мотал головой и бормотал что-то бессвязное.

Веточка тополя, веточка ивы…

– Ты будешь говорить? – Викфорд схватил мужчину за ворот куртки, ударил кулаком по лицу и тряхнул так, что у того мотнулась голова – того и гляди оторвётся.

– Он блаженный какой-то, – пожал плечами Корин и, направляя меч на пленника, добавил: – добить их надо, командор, и убираться.

Эрика подошла ближе и неожиданно узнала в пленном сына кузнеца. В Кинвайле его месяц назад приставили охранять их с Бригиттой, когда дядя Тревор оставил им денег. Его звали Уилмор, и он был совершенно безобиден, слушал во всём Бригитту, таскал воду, ходил за лошадьми и помогал по хозяйству. Как он оказался здесь, среди нападавших, было совершенно

непонятно.

Викфорд вытер потный лоб тыльной стороной ладони, встал и махнул Корину – действуй.

– Нет! Нет! Стойте! – воскликнула Эрика, бросаясь к пленному. – Не убивайте его! Я его знаю! Он из замка Кинвайл! Это сын кузнеца! Он… он и правда блаженный. Он не опасный, просто очень сильный. Пожалуйста, не убивайте его!

– Госпожа! Госпожа! – Уилмор взглянул на Эрику, узнал её и, вцепившись пальцами в её сапог, внезапно заплакал.

Она простёрла над ним руки, будто могла защитить от дюжины вооружённых мужчин, и глядела на Корина умоляюще. А псы вокруг смотрели на неё зло, вытирая кровь с мечей и лиц, потому что среди них тоже были раненые, и двое довольно серьёзно. И на их лицах не было ни жалости, ни сострадания, а только одно желание – убивать.

– Его нельзя оставлять в живых, – жёстко ответил Корин, и в его голубых глазах блеснули острые льдинки, – он приведёт остальных. Как-то же они нас нашли.

Он перехватил меч поудобнее, но Эрика выступила вперёд, подставляясь под лезвие и заслоняя собой Уилмора, и воскликнула горячо:

– Не трогайте его! Он не выдаст нас. Он же… он же вообще не понимает, что делает! Он просто делает то, что ему говорят!

Уилмор покачивался, глядя на свои связанные руки, что-то бормотал, и было понятно, что он очень сильно напуган.

Эрика обвела всех глазами, но не увидела на лицах остальных псов ничего, кроме злости. Для них кучка убитых балеритов не имела никакого значения, и она ощутила, как на неё снова накатывает ярость. И хотя она понимала, что нападавшие сами виноваты, но всё это… всё это было неправильно!

– Как решит командор, – Корин чуть отвёл меч и взглянул на Викфорда. – Но убить их – это единственно правильное решение.

Эрика обернулась и тоже посмотрела на Викфорда. И только сейчас заметила, как страшно он выглядит: весь в крови и саже, волосы опалены огнём и одежда, но страшнее всего были его глаза – чёрные, будто в них сама бездна. Он стоял и смотрел то на Эрику, то на Уилмора, который покачивался и бормотал, не понимая, что в это мгновенье его жизнь висит на волоске.

Веточка тополя, веточка ивы…

– Вы убили достаточно балеритов, оставьте жизнь этому несчастному, он же не опасен! – горячо воскликнула Эрика, указывая рукой на Уилмора. – Добивать раненых – как же это благородно! А особенно вот таких!

– А ничего, что этот здоровяк подпёр дверь бревном и обложил дом снопами соломы? – Викфорд снова вытер лоб и сплюнул на траву. – Вы могли сгореть заживо, найрэ Нье'Лири.

Их взгляды схлестнулись, сошлись, будто два меча, и какое-то мгновенье казалось, что этот поединок между ними ничем хорошим не закончится.

– Он просто делал то, что ему сказали! – выдохнула Эрика.

Она чуть отступила, так и держа руки расставленными, словно крылья, и пытаясь защитить беднягу Уилмора, потому что Викфорд зло усмехнулся и шагнул навстречу Эрике, не убирая меч.

– Что на этот раз предложите взамен, госпожа? – спросил он, придав своему лицу выражение какого-то странного безразличия.

Эрика опешила. Это был не свадебный турнир, не игра, он и правда собирался убить этих несчастных. Да как он может вот так шутливо торговаться за их жизнь?! И новая волна ненависти подкатила удушливой волной. Эрика, вскинув голову, и произнесла жёстко:

– Может, возьмёте мою жизнь? Много ли будет стоить жизнь королевы, которая не способна защитить своих подданных?

Викфорд прищурился, опалив её взглядом, потом посмотрел на Уилмора и пожал плечами.

– Я всего лишь пёс, найрэ, у меня есть обязанность защищать вашу жизнь, и нет права её отнимать. Предложите что-то другое, госпожа, – он перехватил меч, и голос его прозвучал издевательски. – Может быть, вашу милость?

– Милость?! Какой же милости вы хотите? – воскликнула она.

– Однажды я о ней попрошу, а вы её окажете. – Её глаза блеснули гневом, но Викфорд добавил: – Не переживайте, найрэ, я хоть и пёс, но всё ещё Адемар. Даю слово, что моя просьба никак не затронет вашу честь.

Эрика услышала недовольное бормотание его людей, которым явно не нравилось то, что происходит. А она ведь собиралась не злить их…

– Так вы согласны?

Она судорожно сглотнула и кивнула.

– Отпустите их, – коротко бросил Викфорд, отводя в сторону меч.

– Но, командор, они же придут по нашим следам. Это глупо, – возразили Корин, чуть опуская меч. – И потом…

– С каких это пор ларьет оспаривает приказы своего командора? – резко оборвал его Викфорд. – Я сказал – отпустить! Пытками мы всё равно ничего не вытряхнем из этого полудурка. А вот найрэ Нье'Лири сможет его разговорить, раз она его знает.

Викфорд обернулся к Эрике, шагнул почти вплотную, и произнёс хрипло:

– Хотите сохранить ему жизнь? Так вытащите из него всю правду – кто предатель? Кто послал их сюда убить вас?

Он внезапно схватил её за руку и потащил к одному из трупов.

– Вы знаете его? А вот этого? Или того? Эти люди пришли убить вас, найрэ Нье'Лири! Вы кого-то из них узнаёте?

– Убить меня? – спросила она, начиная осознавать, что произошло.

– Ну а вы как думаете?! – рыкнул Викфорд. – Они хотели сжечь вас живьём, а вы полны глупого сострадания!

Глупого сострадания?! Именно проклятые тавиррцы виноваты в том, что происходит! Что один балерит убивает другого! И что она вынуждена стать предателем своего народа!

Эрика всматривалась в окровавленные лица, и тошнотворный клубок сжимался где-то в желудке. Она узнала одного – он приходил однажды к тёте Бригитте, кто-то из того лагеря, что разбили под Кинвайлом беженцы. А остальные люди были ей незнакомы. Но мысль о том, что псы могут вернуться и в отместку сжечь Кинвайл дотла, заставила её покачать головой и сказать твёрдо:

– Нет, я никого не знаю из этих людей и никогда не видела.

– Тогда каким же дурным ветром сюда принесло этого блаженного? – прищурился Викфорд, вглядываясь в её лицо.

– Я… я не знаю!

– Ну так узнайте! Если не хотите, чтобы нас снова поджарили! И ещё… – он понизил голос так, чтобы его не услышали стоящие поодаль псы. – Если хотите дожить до Кальвиля, никогда больше не поступайте так глупо перед моими людьми. Если хотите чего-то, просто попросите об этом меня. Лично.

– Что, ваши люди не так уж и ценят своего командора? – криво усмехнулась Эрика.

Знала, что зря это говорит, но не смогла удержаться. Вздернула подбородок и посмотрела Викфорду в глаза. Ей казалось, он сейчас её ударит, но он только прищурился, скривился презрительно и ответил:

– Для некоторых, вроде вас, найрэ, месть дороже здравого смысла. А для некоторых, вроде этих псов, месть иногда дороже золота. Не хотелось бы, чтобы в вашем лице первое встретилось со вторым. Так что не стоит злить моих людей и заставлять их ненавидеть вас ещё больше. Ваше сострадание и моё милосердие к этому блаженному может стоит нам всем жизни. И они это понимают. Так что не давайте им больше повода. Ну а меня можете ненавидеть сколько угодно. Но я обещал привезти вас в Кальвиль живой и невредимой. И я это сделаю.

Только в этот момент Эрика поняла, что он всё ещё сжимает её запястье. Она резко выдернула руку и развернулась, собираясь уйти, но Викфорд добавил вдогонку:

– Вы могли бы просто сказать мне «спасибо».

– Спасибо? За что? – она оглянулась на него через плечо.

– Я спас вам жизнь.

Она усмехнулась презрительно и бросила коротко:

– А разве не за это вам платят золотом?

Глава 11. Дорога в Гранард

Не так уж и часто Викфорд шёл против внутреннего голоса, и обычно это были какие-то крайние обстоятельства. Одним из них стала эта поездка в Балейру, ведь герцогу Сенегарду нельзя было отказать. И вот он снова пошёл против своего внутреннего голоса. Понимал, что нельзя оставлять никого в живых, понимал, что не стоит ему идти на поводу у этой балеритской занозы, и особенно на глазах его людей, но ничего поделать с собой не смог.

В тот момент, когда она стояла, раскинув руки, защищая этого сумасшедшего, словно птица своего птенца, он на мгновенье представил, что будет, если он его убьёт или если его убьёт Корин, а она это увидит… Он не хотел, чтобы она такое

увидела. Он и сам не знал, почему у него внутри всё восстало против этого, словно он не хотел делать ей ещё больнее. Не хотел, чтобы она ненавидела его ещё больше. Эрика смотрела, сжигая его изумрудом своих глаз, и он чувствовал, как снова ожили под кожей невидимые иглы, как прошили вены, взорвались огнём в крови, и понял, что не может противостоять этому. Этому странному притяжению к зеленоглазой балеритке, которое становится с каждым мгновеньем только сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zelinskaya_lyana/vereskovyy-med

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити